

А. Мефодиев
Карма

Москва
2008

ББК: 84(2Рос=Рус)6

М41

Мефодиев А.

М41 Карма. — М.: Летний сад, 2007. — 304 с.

ISBN 978-5-98856-042-5

© А. Мефодиев, 2008

© «Летний сад», оригинал-
макет, оформление, 2008

Две тысячи долларов

Валерий откинулся на подушку, и взгляд его устремился в потолок. Потом он рассеянно посмотрел по сторонам и пробормотал: «Черт, куда же я подевал сигареты?»

— А ты у себя в карманах смотрел? — спросила Лена.

Валерий повернул к ней голову. Лена приподнялась на одной руке и смотрела на Валерия. Простыня слегка прикрывала ее бедра. Светлые волосы свободно ниспадали на плечи. Зеленые глаза испускали теплый свет.

— Ты прекрасна, — сказал Валерий и потянулся к своим брюкам и пиджаку, которые валялись у кровати. Пошарив в карманах, он нашел пачку сигарет, щел-

кнул зажигалкой и закурил. Снова лег на спину, одну руку положил под голову, другой время от времени подносил к губам сигарету. Он старался выпускать струйку дыма строго горизонтально. Потом начал выпускать кольца дыма.

— О чем ты думаешь? — спросила Лена.

— Так, ни о чем, — покривил душой Валерий, продолжая глядеть в потолок.

— Как тебе нравится моя новая квартира? — спросила Лена.

— Совсем не плохо, три комнаты, на Цветном бульваре, в самом центре Москвы. Сколько ты платишь за аренду?

— Давай не будем о деньгах.

— А как твой муж отреагировал на твой уход?

— Ничего особенного.

— То есть, как это — ничего особенного, он же так изводил тебя? Ты говорила, что он мог тебя приревновать даже к фонарному столбу?

— Ну уж на фонарный столб ты совсем не похож.

Валерий подозрительно посмотрел на нее и повторил вопрос:

— А все-таки, как он отреагировал на твой уход?

— Послушай, давай не будем о нем говорить. В конце концов, он отец моих детей.

Лене еще не было тридцати, а она уже была матерью двух чудных мальчиков. Одному был год, другому — два. Сейчас они спали в соседней комнате.

— Хорошо, давай не будем. Скажи, ты работаешь там же? — спросил Валерий.

— Да, а что? Хочешь предложить мне работу поинтереснее?

Валерий затушил сигарету в пепельнице и подумал: «Ее зарплаты и на однокомнатную квартиру на Цветном не хватит».

Он помолчал и спросил:

— Значит, тебе Сергей квартиру оплачивает? Но у него ведь с деньгами всегда неважно было. Он что, работу поменял?

— Ничего он не поменял. Так же и прозябает, как раньше. Почему он тебе покоя не дает? Я ушла от него, и все. Это теперь в прошлом. Понимаешь? Лучше иди ко мне.

Валерий познакомился с Леной полгода назад. У них был бурный роман, хотя встречаться им удавалось не чаще, чем раз в неделю. Когда они встречались, то сразу же забирались в кровать, где проводили три-четыре часа, и им всегда этого было мало. Лене постоянно нужно было идти домой, а когда они оставались наедине, их отвлекали бесконечные телефонные звонки ее мужа и няни. И вот теперь, когда все ограничения отпали, Валерий с удивлением ощущал, что жгучее желание, так мучившее его последнее время, неожиданно изрядно поостыло.

Не то чтобы Лена больше не интересовала его. Нет. Конечно, она по-прежнему была очень привлекательна. Но раньше Валерий видел в ней нечто особенное, отличавшее ее от других женщин. А теперь в его глазах она превратилась в просто красивую молодую особу.

Минут через десять Валерий откинулся на подушку, закурил и, выпуская тонкую струйку дыма в потолок, опять начал думать: «Как она так быстро смогла уйти от мужа? Ведь еще неделю назад об этом не было и речи. То есть, конечно, она всегда жаловалась на его ревность, на безденежье, но конкретного разговора о разводе никогда не было. И вдруг на тебе, она от него ушла! И при этом умудрилась переехать в трехкомнатную квартиру в центре Москвы. За несколько дней такое невозможно сделать. Значит, она давно к этому готовилась! Но какая, однако? Не побоялась уйти от мужа

с двумя детьми на руках! И все сама! А на что она теперь будет жить? Родители у нее тоже совсем не шикуют. Им самим бы кто помог. Наверное, Сергей ей должен помогать. Но все равно это совсем другое, чем жить вместе с мужем. А может быть, она на меня каким-либо образом рассчитывает? Нет, это вряд ли. Говорили, конечно, о любви. Но ничего конкретного ведь не обсуждали. Хотя как знать, что она там себе думает».

— О чем ты все думаешь? — спросила Лена, пытливо глядя ему в глаза.

— О том, как ты прекрасна, — ответил Валерий и добавил: — Давай спать. Уже поздно.

Они никогда не спали вместе целую ночь, но всегда мечтали об этом. Тем удивительнее было Валерию услышать:

— Нет-нет, дорогой. Я хотела бы сегодня выспаться и как следует отдохнуть. Ты поезжай к себе.

Валерий неожиданно почувствовал себя обиженным. Его выставляли из дома, а он не мог понять почему. Он отказывался верить своим ушам. К тому же никаких особых дел у него не было. Поздний вечер, пятница, за окном разыгралась осенняя непогода, зачем вставать из теплой постели?

— Я тебе не помешаю, — сказал он.

— Нет-нет. Я действительно очень устала. Ты пойми меня правильно. У меня была очень тяжелая неделя. Я совершенно вымоталась. А с тобой, мой дорогой, я всю ночь заснуть не смогу. — И она кокетливо на него посмотрела.

«Бедная ты моя девочка», — подумал Валерий, глядя в ее чистые глаза, и сказал:

— Хорошо, я пойду.

Валерий нехотя встал с кровати и посмотрел на себя в зеркало. Он был среднего роста. Великолепно сложен.

Накачанные мышцы. Тело его покрывал средиземноморский загар, который он получил две недели назад на отдыхе в Греции. У него были правильные черты лица. А его характерной особенностью были маленькие усики. Валерию было двадцать пять лет, а он уже многого успел добиться в жизни. Он был подающим большие надежды юристом второй по величине консультационной компании мира.

Валерий всегда легко сходилась и расходился с женщинами. Он не привык обременять себя какими бы то ни было обязательствами. Лена была старше Валерия на несколько лет. Это был его первый опыт общения с женщиной старше себя, и ему это определенно нравилось.

Когда Валерий уже поворачивал ручку входной двери, Лена спросила:

— Завтра у моей подруги день рожде-

ния. Она собирает гостей к шести вечера в ресторане «Шале». Пойдем вместе?

— Что ты, я же ее совсем не знаю. Это будет не совсем удобно, — неопределенно ответил Валерий, у которого были совсем другие планы на субботний вечер. К новому формату общения с Леной он явно не был готов.

— Уверяю тебя, это будет вполне удобно. Это моя лучшая подруга.

— Давай лучше встретимся на следующей неделе.

— Ну хорошо, давай на следующей.

Валерий вышел из подъезда. Холодный ветер с морозящим дождем ударили ему в лицо. Он сел в машину, повернул ключ зажигания, подумал немного и достал мобильный телефон. Несмотря на поздний час, он позвонил другу и подтвердил свое присутствие на завтрашней вечеринке с друзьями в одном из популярных в то время ночных клубов Москвы.

Поездка до дому заняла не более десяти минут. Пока Валерий ехал, он думал о Лене. Ему вдруг стало жаль ее. Но чем он мог ей помочь? Разве что дать ей денег? Скажем, две тысячи долларов. Что они для него? Одна поездка в Турцию. А Лене они действительно сейчас нужны. Они будут ей хорошим подспорьем в этой трудной жизни.

«Ведь хороша ложка к обеду», — размышлял Валерий, и от собственной щедрости ему становилось на душе легко и свободно. Надо отметить, что Валерию не было свойственно помогать другим людям, особенно материально. Помочь советом — это еще куда ни шло.

«Да и то, — частенько думал Валерий, — подскажешь человеку что-нибудь, а он возьми да все перепутай, а потом, когда все криво пошло, так он ко мне же с претензиями. И на что это, спрашивается, мне нужно?»

«Но с Леной особый случай, тут можно и деньгами помочь. Только самое главное — не обидеть ее при этом», — размышлял Валерий, сидя в машине перед своим домом. Он посмотрел на часы. Было начало первого.

«Ничего, доброе дело откладывать нельзя!», — решил он для себя и пулей поднялся в свою квартиру. Там он быстро нашел деньги, отсчитал нужную, по его представлениям, сумму в две тысячи долларов и через каких-нибудь пятнадцать минут уже нажимал звонок квартиры Лены.

Она была удивлена его поступком, но деньги приняла. Все мероприятие заняло не более часа, и в половине второго Валерий уже вернулся к себе домой. Засыпал он с чувством исполненного долга.

В восемь часов утра следующего дня Лена проснулась от звонка в дверь. При-

шла няня ее детей. Лена встала и долго приводила себя в порядок, используя все приемы современного макияжа.

«Кому угодно могу вскружить голову», — глядя на себя в зеркало, думала Лена. Она была действительно хороша.

Потом Лена отдала последние указания няне. А ровно в девять часов раздался очередной звонок в дверь. На пороге стоял мужчина в черном костюме с очень короткой стрижкой. Он был высокого роста и невероятно широк в плечах. В нем угадывался бывший спортсмен. В руках у него была корзина цветов.

— Елена Павловна, — обратился он официально, протягивая корзину цветов, — это вам. Анатолий Иванович ждет вас. Я провожу вас до машины. Что-нибудь помочь нести?

— Спасибо, Володя, — буднично отвечала Лена, как отвечают хорошо знакомым людям. — Ничего не надо.

Она накинула кашемировое пальто, надела черные лайковые сапоги на высоких каблуках и стала почти одного роста с пришедшим молодым человеком.

На улице ее ожидал бордовый «Бентли». Через час они оказались у загородной гостиницы. Лена вышла из машины и направилась внутрь здания.

Она вошла в номер 13. Человек среднего возраста нетерпеливо поднялся ей навстречу. Он был лысоват, полноват и невысокого роста. На нем был серый костюм и белая рубашка без галстука.

— Наконец-то, Леночка! — быстро проговорил он. — Я совсем тебя ждался. Почему так долго? Что-нибудь случилось?

Вместо ответа Лена обняла Анатолия Ивановича и томно поцеловала его в губы.

Потом она сказала:

— Я не могу больше скитаться по гостиницам.

Анатолий Иванович ответил:

— Лена, мы же обо всем договорились еще две недели назад. Я принял решение. Сегодня вечером я последний раз возвращаюсь к жене.

После их последней встречи прошло около месяца. Валерий неоднократно звонил Лене, но она все время оказывалась занята. С удивлением для себя Валерий обнаружил, что скучает по ней. Как-то раз, просматривая утром светскую хронику, он обратил внимание на короткое сообщение: «Вчера в Москве состоялось венчание Анатолия Ивановича Бурта, известного российского бизнесмена, владеющего контрольным пакетом Объединенной Промышленной Корпорации, и некой Елены Павловны Островской».

Февраль 2008

Александр Воронцов

Однажды дождливым осенним вечером трое мужчин средних лет собрались после удачной охоты у камина. Пока егеря готовили дичь к ужину, усталые охотники разлили по бокалу доброго вина. И днем-то погода была неважной, а теперь под вечер разыгрался ветер, завывания которого слышны были сквозь трубу камина. В окна охотничьей заимки били крупные капли дождя. Как известно, в такое ненастье сидеть в тепле, около камина, и, попивая красное вино, смотреть на всполохи пламени особенно приятно.

Наши друзья, переодевшись в сухую одежду, удобно устроились в плетеных креслах. Поначалу обсуждали охоту, но по прошествии некоторого времени разговор коснулся любви. Точнее будет сказать, наши герои начали обмениваться рассказами о своих победах на женском фронте. Никому из рассказчиков не хотелось ударить в грязь лицом, и оттого истории их приобретали особую пикантность. Впрочем, имена и фамилии участниц событий по закону чести оставались в тайне. В основном говорили двое: Анатолий и Игорь, а Василий все больше слушал.

— Что же ты все молчишь, Вася? — спросил его Игорь. — Или рассказать нечего?

— Ваши истории, конечно же, занимательны, — отвечал Василий, — однако ж, Воронцов по этой части каждому из вас сто очков форы даст.

— Что еще за Воронцов? — ухмыльнувшись, поинтересовался статный Игорь и самодовольно провел рукой по копне черных волос. Было заметно, что он не допускал мысли, что кто-то может больше него нравиться женщинам.

— Ну как же, Саша Воронцов... — начал пояснять Василий.

— Подожди, подожди, — перебил его Анатолий. — Это тот, с которым мы вместе в доме отдыха Н. лет десять назад отдыхали?

— Точно.

— Так я его знаю прекрасно, — сказал Анатолий.

— И что скажешь? — спросил Василий.

— Да, это тот еще фрукт! Редкой, надо заметить, энергии человек. Ведь мы тогда приехали в дом отдыха вшестером, помнишь, Вася? Ты, я, Воронцов и три девушки. Хотя, постой, постой, Ворон-

цов ведь приехал туда с молодой женой. Он как раз за месяц до этого второй раз женился. Точно! — Анатолий хлопнул себя по толстой ляжке и засмеялся. — Вспомнил! Представляете? Мы выходим из лифта всей своей компанией. Воронцов, естественно, с нами. А в лифт заходят две другие барышни, довольно, надо признать, симпатичные. Двери за ними закрываются, а мы, между прочим, со своим самоваром. Вот проблема. Но только не для Воронцова! Барышни садятся в лифт, а Воронцов, сославшись на то, что забыл какую-то ерунду в номере, во весь опор несется за ними по лестнице! На каком-то этаже он их нагоняет, стреляет номер телефона и как ни в чем не бывало присоединяется к своей супруге.

— Вот и я говорю, поразительных результатов добивается на этом поприще человек.

— А он и сейчас продолжает в том же темпе выступать?

— Пожалуй, еще активнее стал.

— Не может быть! Откуда же он на все время берет?

— Ну, — развел руками Василий, — как говорится, делу — время, потехе — час.

— А он женат?

— Женат. Двое детей. Но, по меньшей мере, раз в неделю находит причину не ночевать дома. Он ведь врач. Ссылается на ночные дежурства. Мы с ним в одной больнице уж два года как работаем. До этого он работал в больнице Склифосовского, но вынужден был уйти оттуда из-за скандала местного масштаба.

— Все на ту же тему? — спросил Игорь.

— Да, на ту же. Забеременела медсестра. Дело получило огласку и все, знаете ли, такое.

— И как на новом месте, то есть у

тебя в больнице, все то же, продолжает свою порочную практику?

— Угломониться никак не может, даже наоборот, еще больше распоясался. Каждую неделю ему новую барышню подавай. А если нет, то особенно нервным становится.

— Вот оно как бывает, — присвистнул Игорь. — Но ведь что удивительно, господа, красавцем он никогда не был! Среднего роста, челочка невнятная. Не понимаю.

— Тут судить очень сложно, — сказал Василий. — Как бы это лучше пояснить? Разве что на примере. Смотрю я недавно фильм по телевизору. Детектив какой-то. Так вот, на экране женщины обсуждают одного из персонажей и говорят, что он очень сексуально притягателен. Я удивился, потому как сам бы так никогда не решил. Тогда я у жены поинтересовался, так ли он притягате-

лен. И что, вы думаете, она мне ответила? Да, говорит, пожалуй, так и есть. Не исключено, что женщинам Воронцов очень красивым представляется.

— По-моему, здесь в другом дело, — продолжил обсуждение Игорь. — Я полагаю, все заключается в его активности. Женщинам это импонирует. Помните историю, имевшую место в доме отдыха Н? За дамами по лестнице бегом — это, знаете ли, я вам скажу, не каждый сможет.

— Возможно и так. Но только есть еще одно обстоятельство, характерное для Воронцова.

— И что же это?

— На примере, наверное, как всегда, лучше будет. Остались мы с ним как-то на дежурстве. Я, разумеется, в своем отделении. Он — в своем. К нам как раз новая сестра на работу определилась. Не так чтобы красавица, но все же довольно привлекательная. После полу-

ночи сидим мы в ординаторской, музыку включили, выпили немного. Сестра, смотрю, на меня, а не на него внимание все больше обращает. Что тут с ним сделалось! Превзошел сам себя, я вам скажу! И шутил, и веселил, и анекдоты рассказывал. Compliments в адрес медсестры сыпались из его уст непрерывно. И самая красивая она, и самая умная. Проявлял недюжинную эрудицию. О литературе говорил, но в меру. А как услужлив был, как предупредителен. Чуть ей жарко стало, тут же окно предложил открыть. Чуть холодно, закрыл.

— Да, это должно оказывать воздействие на женщин.

— Полное впечатление влюбленности создал, короче. Смотрю, медсестра оттаяла под натиском таким, а потом и уступила ему. Стоило мне выйти в туалет, возвращаюсь, а их уж нет, к нему в ординаторскую пошли.

— Вот оно что, — промолвил Анатолий.

— Однако на следующее утро от хороших манер Воронцова в отношении той девушки не осталось и следа. Как подменили человека. Я встретил их в раздевалке на первом этаже. Входя, он чуть было дверью ее не прихлопнул. Взгляд стеклянный стал, в голосе сталь. Никакого внимания на нее не обращал. Даже пальто не подал и ушел не попрощавшись. Она поначалу в недоумении пребывала, а потом слезы на глаза вернулись.

— Может быть, у них там что-нибудь не так пошло?

— Все так. Просто это манера у него такая, я же его хорошо знаю. Пока своего не добился, на все готов, сама любезность и влюбленность. Стоит даме уступить, тут уж все, как подменили его. И потом уж никаких отношений. В слу-

чайном разговоре высокомерным тоном говорит. Меня, по правде говоря, такая его манера слегка озадачивает и даже раздражает. А потому я его спросил однажды о причинах такого поведения.

— И что же он тебе ответил?

— Да, собственно говоря, ничего, — сказал Василий. — Ухмыльнулся злобно и сам меня спросил, зачем я лезу не в свое дело. А я все думаю, почему он так себя с женщинами ведет? Может быть, и есть какая-нибудь особенная причина?

— Между прочим, может быть, и есть, — сказал Анатолий. — Я же его с институтской скамьи знаю. Вместе в Первый Мед поступали. На первом курсе Воронцов тихий такой был, застенчивый даже. Девушек стеснялся. Тем не менее не прошло и полугода, как его на себе Людмила Савина женила. Такая красавица была, высокая, стройная. — При воспоминании о Людмиле

Анатолий мечтательно посмотрел в потолок и поцокал языком. — Зачем он ей понадобился, ума не приложу. Может быть, она свое материальное положение поправить хотела? Не знаю. Но только на следующий год, на картошке, на глазах у всего потока она закрутила роман с Витькой Савельевым, комсомольским лидером нашего института. Своенравная она была и без тормозов совершенно. А через девять месяцев она родила ему, комсоргу, ребенка. Скандал, конечно, страшный был. Но, что интересно, Воронцов за Людмилой, несмотря ни на что, хвостом ходил, умолял не оставлять его, говорил, что все простит. Я даже слышал обрывок их разговора на лестнице. Так и говорил, как в кино: «Вернись, я все прощу». А она ему отвечает, хохоча: «Мне ты простишь? Мне!? Да ты ничтожество, а не мужчина! После того, что я сделала,

настоящий мужчина на меня бы либо плюнул, либо зарезал. А ты? Хвостом за мной ходишь. Тряпка ты, а не мужик. Ты мне благодарен должен быть, что я жила с тобой полгода. Где ты еще такую найдешь? Да на тебя ни одна женщина не посмотрит. Сам-то на себя в зеркало смотрел? Так что это я тебя прощаю, что ты размазней такой оказался!»

— Значит, он с тех пор и доказывает, — резюмировал Василий, — что не размазня он никакая, а мужчина.

— Может, оно и так, — сказал Анатолий.

Тут подоспела дичь, и охотники без промедлений и с аппетитом, какой только и бывает на свежем воздухе, сосредоточились на еде.

Февраль 2008

Целеустремленность

— **К**ирилл Петрович, Кирилл Петрович, — нараспев говорила полная женщина средних лет, — пора вставать.

Кирилл Петрович открыл глаза и сладко потянулся. Спальня была заполнена мягким светом солнечных лучей, с трудом пробивавшихся сквозь листву молодых лип, обрамлявших дом.

Женщину звали Елена Юрьевна. Она помогала Кириллу Петровичу по хозяйству с тех пор, как тот перебрался жить за город на постоянной основе. Готовила, убирала, стирала. На это уходил весь ее день. Она жила в маленьком

доми́ке, находя́вшемся на одной терри-
тории с большо́м хозяйски́м домо́м.

Кирилл Петро́вич происхо́дил из
старинного дворя́нского ро́да, чуде́м
пережившего, хо́ть и не без некото-
рых поте́рь, ру́сские револю́ции нача́ла
двадцатого́ века. Обо́шли сторо́ной ро́д
Кири́лла Петро́вича и парти́йные чист-
ки ста́линского́ време́ни. Встре́чаются
ведь та́кие се́мьи, кото́рым все ни́почем.
Ви́хри массо́вых волне́ний проно́сятся
над их голо́вами, не причи́няя им осо-
бенного́ вре́да.

В де́тстве Кири́лл Петро́вич бы́л
все́гда должным о́бразом одет, обу́т.
Ма́льчику́ было́ обеспе́чено пра́вильное
пита́ние. Но са́мое гла́вное — в се́мье
было́ ясное предста́вление о систе́мном
подхо́де к образо́ванию. Ка́ждому́ го́ду
подроста́ющего ма́льчуга́на соотве́т-
ствовали́ вполне́ опреде́ленные кни́ги
из о́громной се́мейной би́блиоте́ки. Ро-

дители его занимались наукой и изрядно преуспели на этом поприще. Отец Кирилла был академиком.

С юных лет Кирилл проявил недюжинные способности к точным наукам. В то время, как его сверстники играли в солдатики, он играл в цифры. Плюс, минус, корень кубический, порядок такой-то, логарифм, последовательность Коши... А может быть, цифры сами играли в его голове? Кто его разберет? Обучение давалось ему легко и естественно. Школу он окончил с отличием. А когда пришла пора поступать в институт, он долго не мог сделать выбор между физикой и математикой. Потом все же выбрал физику. Кандидатскую он защитил через три года после окончания Московского университета. А еще через три — докторскую. Перед ним открывались блестящие перспективы на поприще науки.

При этом Кирилл никогда не ставил перед собой грандиозных задач в части карьерного роста. Он просто ежедневно занимался тем, что ему нравится — наукой. А от всего лишнего и чуждого ему он мягко дистанцировался.

Потом случилась очередная русская революция, которую поначалу называли странным словом «перестройка». Науку перестали финансировать, и над прекрасным научным будущим Кирилла сгустились тяжелые тучи. Но, как это случалось с его предками, к тому времени уже почившими, события, происходившие с Кириллом, чудесным образом повернули минус на плюс. Как-то раз, когда он прогуливался по старому Арбату, ломая голову над тем, какую из двух по наследству принадлежавших ему квартир лучше было бы продать, он случайно встретил своих одноклассников, которые к тому времени сколоти-

ли изрядное состояние на масштабной транспортировке углеводов. Они разговорились. С первых слов им стало понятно, что научная тема, над которой многие годы работал Кирилл, была для них словно «сон в руку». В отличие от Кирилла, его друзья прекрасно разбирались в практических аспектах жизни. В мгновение ока идеи Кирилла были должным образом запатентованы. Углеводы потекли с удвоенной скоростью. А для Кирилла были решены все материальные вопросы, которые могут вместиться в голову среднего обывателя. Судьба опять проявила благосклонность к благородному роду, позволив Кириллу и далее заниматься своим делом.

Кирилл никогда не отличался чрезмерной общительностью. А уж при встрече с противоположным полом

неизменно робел. Вероятно, из-за этого он так и не женился. Со стороны он производил впечатление человека замкнутого и нелюдимого, на самом же деле Кирилл так и не смог избавиться от природной застенчивости.

Он был небольшого роста и субтильного телосложения. В свои тридцать пять он уже изрядно полысел. В довершение ко всему Кирилл немного картавил. А девушки нравились ему рыжие и высокие, и чтоб непременно на высоких каблуках. Надо признать, особой популярностью Кирилл у женщин никогда не пользовался.

Сейчас он лежал в постели и мечтал, как однажды встретит такую девушку. Он думал, какой заботой он окружил бы ее. Его немногочисленные друзья все давно были женаты и имели детей. И это обстоятельство лишь усугубляло

его давнее желание покончить с холостяцкой жизнью.

Но Кирилл был устроен таким образом, что если ему чего—то очень сильно хотелось, то это всегда оставалось для него недостижимым. Зная эту свою особенность, он, пытаясь обмануть судьбу, всячески подавлял силу своих сокровенных желаний. Иногда это помогало.

Так и сейчас он подумал: «Да ну их к черту, этих длинноногих красавиц! Мне и так хорошо!»

С этой мыслью он приступил к утреннему туалету. После легкого завтрака Кирилл решил прокатиться на машине. По большому счету в жизни Кирилл придавал значение двум вещам: своей работе и автомобилям. Он подошел к стоящему под летним навесом «Ламборджини» и любовно провел рукой по гладкой поверхности машины.

— Как я сейчас прокачусь! — подумал Кирилл. Он сел в машину. Потрогал руль. С удовольствием вдохнул запах авто и повернул ключ зажигания. К его разочарованию машина строптиво фыркнула и тут же заглохла.

— Вот это номер! — подумал Кирилл. — А какая могла бы быть поездка!

Он на всякий случай попробовал повернуть ключ еще раз. Результат остался неизменным. Машина определенно отказывалась ехать. А Кирилл уже настраивался на поездку.

«Делать нечего», — подумал он и с тоской отправился к стоявшему рядом скучного вида «Мерседесу» с удлиненным кузовом. На нем он ездил каждый день с водителем на работу. В нем можно было, вытянув ноги, поспать на заднем сидении, поработать. Но ехать самому за рулем такого чудища казалось просто нелепым.

«Придется, тем не менее, — думал Кирилл, продвигаясь к «Мерседесу», — не менять же, в самом деле, свои планы».

Немецкая техника оказалась на высоте. И через пять минут Кирилл, выехав на трехполосное шоссе, вдавил педаль акселератора в пол. Спину его приятно прижало к креслу. Проверив возможности автомобиля, он сбросил газ и поехал в расслабленной манере. Была чудесная погода. В машине играла легкая музыка.

Кирилл в который раз в своей жизни думал: «Какое все же гениальное изобретение человечества — автомобиль! Сколько свободы он дает! Захотел — поехал направо, захотел — налево. Захотел — остановился. Даже назад можно поехать! Едешь один. Никто тебя не тревожит. Никто тебе ничего не скажет лишнего. Все-таки с водителем совсем не то».

Кирилл Петрович недолюбливал ездить с водителем, и если бы не чудовищные пробки, во время которых он читал либо спал, то он бы водил машину всегда сам.

«Водитель, как и всякий живой человек, имеет свои особенности, недостатки, — думал он. — С этим уж ничего не поделаешь. Очень сложно найти подходящего. Чтобы и лишнего не сказал. И поддакнул, когда нужно. А некоторые, бывает, не моются толком, запахи неприятные издают. Другие в запой уходят».

За последний год ввиду разных причин Кириллу Петровичу пришлось поменять трех водителей.

Незаметно он въехал в Москву и через проспект Вернадского направился к центру города.

«Прокачусь я, пожалуй, по бульварам», — подумал он, предвкушая прият-

ные минуты своей неустойчивой поездки по милой его сердцу части города.

Надежда не любила оставаться на ночь в гостях. Это выбивало ее из тщательно спланированного графика ее жизни. Но сейчас был именно тот случай. Вчера она заснула у Севы в тот самый момент, как решила, что пора вставать и ехать домой. Накопившаяся за неделю смертельная усталость оказалась сильнее.

Надежда работала в маленькой юридической конторе и параллельно напряженно учила английский язык. Без него в жизни — а Надежда ставила перед собой грандиозные задачи — обойтись было невозможно.

Последние три года она проживала в однокомнатной квартирке спального района Москвы Бирюлево. До этого Надежда два года жила с мужем Колей

у его родителей в Северном Чертанове. Замуж за Колю Надя вышла в двадцать три года, когда он ненадолго приехал в командировку в небольшой городок на юге России, где прошли ее детство и юность. Тогда целеустремленная Надя решила: «Сейчас или никогда. Или никогда не выбраться отсюда!»

Мужчинам она всегда нравилась. И Коля не оказался исключением. Однако не прошло и года их совместной жизни, как Надежда решила, что хоть Северное Чертаново Москвы и отличается от ее родного города, но все же не настолько, насколько ей того хотелось. Да и Коля оказался отнюдь не самым целеустремленным человеком в этом мире. Больше всего на свете он любил полежать на старом диване. Работой себя особенно не обременял и, казалось, был абсолютно нечувствителен к жизненным достижениям других. Хорошенько пораз-

мыслив, она подала на развод, предварительно детально оговорив все его материальные последствия. В результате Надежда получила небольшую сумму денег, которая, тем не менее, позволила ей сделать первый взнос за квартиру, приобретенную в кредит.

Недавно она, отказывая себе во всем, смогла наконец расплатиться с ипотечным займом. Квартира, пусть и маленькая, пусть на окраине, была теперь ее собственностью. А неделю назад она приобрела в кредит первую в своей жизни машину. Пусть малолитражку! Зато сама. Зато свою. Она привыкла ставить перед собой конкретные задачи и любыми путями добиваться их воплощения. В этом она видела залог своего жизненного успеха.

Надежда встала и длинным коридором профессорской квартиры времен

социализма отправилась в душ. Мускулистый красавец Сева спал беспробудно. Во сне он выглядел, как Аполлон. Да и вообще был неплохим парнем. Но Сева работал с ней в одной конторе. А своих коллег Надя всерьез не рассматривала. Уж больно контора была не перспективная. Единственным мужчиной, кто мог бы представлять для нее интерес, был хозяин конторы. Но он был совсем невзрачным. Сейчас Надежда о нем почему—то вспомнила.

«Лысый, маленький и толстый! Бррр...» — она даже фыркнула при воспоминаниях о его домогательствах.

Надежда посмотрела вокруг. Везде были разбросаны пустые бутылки: следы вчерашнего веселья. Взгляд ее упал на мирно спящего Севу, и она подумала: «Нет, это мой Коля номер два. Только с большой квартирой — наследством родителей. Из него самого ничего путно-

го никогда не выйдет! Так и будет свою жизнь прожигать. Не понимаю я этих обеспеченных родителями ребят. То, за что я должна биться в поте лица, им дано с рождения на блюдечке с голубой каемочкой. А они? Бездельничают, бесцельно растрачивая данное им судьбой. А что потом? Пустота, жизненная неудовлетворенность».

Надежда посмотрела на себя в зеркало. Рыжие волосы свободно ниспадали на ее гладкие плечи.

«Нет, я достойна лучшей участи».

Она надела туфли на высоких каблуках и, написав на зеркале губной помадой «Прощай, мой милый», вышла на улицу.

Она шла твердой походкой знающего себе цену человека и думала: «Почему жизнь так устроена? Почему одному все, а другому надо вкалывать, как ломовой лошади? А как хорошо найти

мужчину, который бы твердо стоял на ногах и мог защитить меня в этом трудном мире! Пусть даже он не был бы гренадером—красавцем. Пусть! Лишь бы был любящим отцом нашим детям...»

Незаметно она дошла до проезжей части и подняла руку, ловя попутную машину. Первая машина, которая остановилась, была длинным черным «Мерседесом».

— Похоже на машину президента Ельцина, только без кортежа, — подумала Надежда.

Когда Кирилл увидел высокую красивую молодую женщину с поднятой рукой, сердце его учащенно забилося. Ему было нелегко преодолеть свою природную робость, но он собрал в единый кулак все свое мужество и остановился.

Надежда открыла дверь и твердо сказала: «До Бирюлево. Двести пятьдесят рублей».

«С этими водилами надо сразу все оговаривать. А то попадетсЯ хапуга, и начнется потом», — думала Надежда.

От рыжих волос и от зеленых глаз незнакомки Кирилл на время потерял дар речи. Он просто смотрел на Надежду и молчал.

— Так едешь? — нетерпеливо спросила его девушка.

— Да, конечно, поедемте, — наконец произнес Кирилл.

Некоторое время они ехали молча.

Кирилл мучительно думал о том, как бы так непринужденно начать беседу с незнакомкой: «Говорить о погоде — глупо. Спросить напрямую, как ее зовут — как-то бесцеремонно. Вдруг это ей не понравится? Поинтересоваться, куда она едет — но ведь мы с ней еще не знакомы...»

Но тут заговорила Надежда.

— Ты не сделаешь попрохладнее? Жарковато у тебя что-то, — без излишних церемоний распорядилась девушка.

— Конечно, как вам будет удобнее, — и Кирилл растерянно посмотрел на приборную панель.

«Где же, черт возьми, меняется температура в салоне»? Он прекрасно знал, как изменить температуру с места пассажира на заднем сидении. Но с места водителя? Все непривычное всегда сложно. Ему потребовалось какое-то время, чтобы найти соответствующие кнопки. Несколько раз Кирилл ткнул пальцем не туда.

«Какие же бывают бестолковые водители, — глядя на него, думала Надежда, — целыми днями крутит эту баранку и даже толком не может запомнить приборную панель».

— Не привык к этой машине, — сконфуженно пробормотал Кирилл.

— А к какой же машине ты привык, дорогуша? — ухмыльнувшись, спросила его Надежда.

— К своей... то есть к другой... — запинаясь, ответил Кирилл.

— А у тебя есть *своя* машина? — поинтересовалась Надя.

— Ну да.

— И какая же?

— Спортивная.

«Какой смешной водила, — думала Надежда, бесцеремонно разглядывая Кирилла. — Думает произвести на меня впечатление. Спортивная машина у него! При этом баранку крутит на дядю. Замшелые «Жигули», доставшиеся в наследство от отца — вот и вся твоя спортивная машина».

«Что значит отсутствие денег», — думала она, глядя на его неприятель-

ную футболку и потертые джинсы непонятно какой фирмы. Потом взгляд ее упал на торчащую из под панели ногу Кирилла.

«Как можно надевать носки и сандалии одновременно? Просто безвкусица!»

Кирилл, как будто ощущая ее неодобрительный взгляд, плотнее вжался в кресло, а Надежда продолжала думать: «Впечатление на меня произвести хочет! Если бы знал этот мальчик, какой интересной жизнью я живу! В каких странах я уже побывала. И ни разу, подчеркиваю, ни разу не останавливалась в гостинице ниже трех звезд! Но для этого всего надо напряженно работать, а не баранку крутить!»

Какое-то время они ехали молча. Тшину изредка нарушали указания Надежды: «Здесь направо, за следующим светофором налево. Здесь держись в правом ряду, на стрелку поворачивать

будем, здесь въезд во двор, у того подъезда останови...».

Машина плавно остановилась около панельного дома. Сидящие на скамейке у подъезда бабки с интересом разглядывали диковинный для этих мест автомобиль. Теперь у них появится новая тема для разговора по меньшей мере на неделю вперед.

— Как договаривались, дорогуша, — Надежда протянула три скомканные бумажки.

— Ну что вы, не надо, я просто хотел вам сделать приятное, — забормотал Кирилл.

— Бери, бери, — Надежда положила деньги на приборную панель, и рука ее потянулась к ручке двери.

— Подождите, пожалуйста, — пролепетал Кирилл.

— Что еще?

— Может быть, сходим вместе куда-

нибудь? — рискнул Кирилл в последний момент.

— Куда? — утомленно спросила Надежда.

— В ресторан или на выставку...

На секунду тень сомнения прокрадась в душу девушки. Но потом Надежда еще раз посмотрела на смешного водителя и подумала: «Только этого мне еще не хватало. Пустая трата времени».

— Пока, дорогуша, — сказала она снисходительно и захлопнула дверь.

Апрель 2007

Хорошие знакомые

Петр Петрович Сердюков имел обыкновение отходить ко сну поздно, а вставать рано. Такое уж было у него устройство организма. Порой хочет он, бедолага, поспать подольше, ан нет. Не получается. Точно какая-то неведомая сила разжимает ему веки, заставляет встать с кровати и идти, идти. А куда идти, непонятно.

Так было и в то субботнее утро в начале августа. Накануне Петр Петрович отправился ко сну далеко за полночь. Засиделся, знаете ли, в гостях. С кем не бывает! Есть у Петра Петровича такая манера: сидеть в гостях до последнего.

Все уже разойдутся, а он ни в какую. Сидит, и все тут. Хозяева начинают зевать и молчат все больше, всячески намекая, что ему давно пора. Но Петр Петрович свое дело знает туго, пока три часа утра не стукнет, из гостей ни шагу.

Так вот, несмотря на это обстоятельство, в то субботнее утро не пробило еще и семи часов, а глаза его открылись и тревожно уставились в потолок. Откровенно говоря, чувство тревоги было свойственно Сердюкову. Оно не покидало его практически ни на минуту, но особенно сильно охватывало в межсезонье. Его беспокоило многое: внезапно вскочивший прыщ на щеке, растрепавшиеся волосы, плохо начищенные ботинки, чрезмерная его полнота. Но мысли о том, что скажут о нем другие, доставляли ему беспокойство сильнее прочих.

Полежав так с полчаса, он встал, накинул халат и начал перемещаться по

своей квартире. Заглянул в кладовку, походил по прихожей, заглянул в родительскую спальню. Посмотрел на спящих родителей-пенсionеров, бывших высокопоставленных работников. Потом пошел на кухню и там долго смотрел в окно. Так прошло несколько часов.

«Чем бы мне сегодня заняться? — задался вопросом Сердюков. — А не позвонить ли мне Иванову?»

Сказано — сделано. И вот уже набирает наш Петр Петрович телефонный номер своего друга.

— Как дела, Сереж? — спросил он, услышав знакомый голос.

— Пока еще живы, — отвечал его друг детства. — Как у тебя?

— Все хорошо. Что поделываете? Чем собираетесь заниматься сегодня?

— К нам гости должны на обед приехать.

— Может, и меня пригласите?

- Ну что ж, приезжай. К двум часам.
- Договорились, — отвечал Сердюков.
- Так на тебя рассчитывать?
- Само собой. Скоро буду выдвигаться.

Сердюков никогда не был женат, и у него не было детей. Несмотря на то, что Петру Петровичу недавно перевалило за сорок, он всю жизнь прожил с родителями в их квартире. При этом надо отдать ему должное, он обслуживал себя полностью, или почти полностью, сам, тем самым демонстрируя свою полную от них независимость. Вот и сейчас Петр Петрович приготовил себе завтрак самостоятельно.

Завтрак его состоял из каши, яичницы и ароматного кофе. Покончив со всем этим, Сердюков неторопливо принял душ и побрился. Потом он так же неторопливо оделся и отправился по

магазинам. Что говорить! Были у Сердюкова маленькие радости в жизни. К ним, безусловно, относилось посещение магазинов. Любил он зайти сначала в один, затем в другой, а после и в третий, и четвертый магазин и сравнить, скажем, в котором из них рубашки дешевле будут. Поинтересоваться, какие нынче дезодоранты в моде, какие галстуки в ходу. Поговорить с продавщицами, поспорить с кассиршами. В общем, потолкаться в гуще людской.

Так и в тот погожий августовский день. Солнце палило нещадно. Сердюков же радостно ходил по магазинам, и время летело для него совсем незаметно. Ведь когда занят любимым делом, так оно обычно и бывает.

А между тем у его друга Сергея собрались гости к обеду. Их было немного: сам Сергей, его жена Лена, его друг

Игорь, и подруга его жены Нина. Так случилось, что все они знали друг друга, включая Сердюкова, с детства. Всем им было около сорока лет. Теперь они сидели в тени лип рядом с домом Сергея, выпивали, закусывали и вели неспешную беседу.

— Что я вам сейчас расскажу про Сердюкова, — заговорила Нина, — хотя мне, право, неловко немного.

— Брось, тут все свои! — отвечал Сергей, предвкушая забавную историю.

— Ну, ладно. Слушайте, — быстро дала себя уговорить Нина. — Звоню я недавно Петру Захаровичу Сердюкову.

— Отцу нашего общего друга? — уточнил Игорь.

— Да-да, — торопливо продолжала Нина. — Мы же все друг друга с детства знаем. Так вот, он мне и говорит: «С тех пор, как вы с Петей расстались, он у меня вызывает все большую тревогу».

А я спрашиваю: «Это вы в каком смысле?». На что он мне отвечает: «В том самом, Ниночка, в том самом. За его душевное состояние беспокоюсь. Совсем у него с головой что-то неважно стало. Особенно в последнее время, когда он с этой мадам из Егорьевска связался. Инна ее, кажется, зовут.»

— Так она мне сегодня уже три раза звонила, — включилась в разговор жена Сергея. — Нет ли у нас Петра, все интересуется. Как она его в оборот взяла! Познакомились месяц назад, а на сентябрь уже свадьба намечена!

— Какая свадьба! Бросьте, господа, проходили уже, — заговорил Игорь. — Сердюков никогда не женится. В последний момент все расстроится.

— Это понятно, понятно, — продолжала Нина, — но ей-то, ей-то это зачем надо?

— Это с какой стороны посмотреть.

Она из Егорьевска, волевая, приятной наружности, self-made woman. При всем при том не сильно образована. Слово «гильотина», кстати, не знала, как мне тут недавно рассказали добрые люди. Однако свой кирпичный заводик в Тверской области, между прочим, имеется. Но... не замужем. Ей, по скудости ума, и кажется, что все, что ей в жизни не достает, так это обвенчаться с каким-нибудь солидным мужичком.

Тут необходимо будет признать, что Игорь сам давно мечтал о маленьком то ли свечном, то ли кирпичном заводике. И все, кто уже имел нечто подобное, вызвали у него чувство глубокой неприязни. А обуреваемый неприязнью, Игорь становился особенно язвительным.

— А тут как раз наш Сердюков, — продолжал он. — Импозантный. Всегда в костюме и в галстукe. Заморочил ей голову своими рассказами о собствен-

ной значимости и исключительности. Вице-президент он, и все там, знаете ли, такое. А о том, что таких вице-президентов в конторе, где он служит, человек пятьдесят, а то и все сто наберется, он, по понятным причинам, умалчивает.

— Ну а ему это для чего?

— Слышали, что родной папа говорит: «Крыша, мол, совсем прохудилась». Мужчину-вампа увидел в себе человек неожиданно. Так-то! — И Игорь притворно вздохнул.

— Бред какой-то, — сказал Сергей. — Он ведь на любовном фронте особенными победами никогда не отличался!

— То-то и оно, — захохотал Игорь.

— Какие вы противные, мальчики, — добродушно сказала жена Сергея.

— Да, — продолжала Нина свое повествование, — беспокоится за него отец. И, как мы видим, не напрасно. Он мне

даже говорил, что его на какое-то время в клинику в Швейцарии поместить было бы не лишним. Он знает в тех краях одну надежную. А там уж, как он говорит, разберутся. А то, если за такую бой-бабу замуж... тьфу ты, то есть, если он на такой женится, то совсем с катушек съехать может.

— Это, господа, определено.

— А что сам Сердюков-то, сегодня будет? — поинтересовался Игорь.

— Он звонил с утра, я его пригласил, — отвечал Сергей.

— И к которому часу? — любопытствовал Игорь.

— К двум, как всех.

Игорь посмотрел на часы, было половина четвертого.

— Наверное, часам к шести подтянется? — высказал он свое предположение.

— Я ему сейчас позвоню, — сказала Лена, беря трубку телефона.

— Чем доставишь ему неописуемое удовольствие, — прокомментировал Сергей.

— В каком смысле?

— Он тебе скажет, что сильно занят по работе. Наверняка приплетет, что его срочно туда вызвали.

— А сам, наверное, либо душ третий раз на день принимает, либо по магазинам таскается, — добавил Игорь.

— Я все-таки позвоню.

Когда раздался звонок мобильного телефона, Сердюков неторопливо выходил из очередного магазина.

— Слушаю, — важно сказал он в трубку.

....

— А, это ты, Лена?

.....

— Я сейчас очень занят на работе, неожиданно вызвали.

.....

— К вам в гости? На обед?

....

— Сергей меня приглашал?

...

— Да-да. Теперь припоминаю. Обязательно приеду. Закончу дела и приеду.

Поговорив по телефону, Сердюков, никуда не торопясь, посетил еще несколько магазинов и отправился домой. Дома он долго принимал душ, а потом, благоухая маслами и дезодорантами, обвязанный на поясе полотенцем, вышел из ванной комнаты. Тело его было рыхлым, с массивным животом. Распаренная кожа была бледно-розового цвета. Проходя по коридору, он, как Нарцисс у прозрачного источника, очарованный красотой собственного отражения, надолго застыл перед большим зеркалом.

Потом он поинтересовался у тут же

чистящей ботинки домработницы: «Ну что, Клава. Как я тебе? Нравлюсь?». Не дождавшись ответа от онемевшей от удивления женщины, он царственно удалился к себе в комнату и начал одеваться.

Что говорить, были, были у славного Сердюкова свои небольшие радости в этой непростой жизни. Вот и теперь он испытывал настоящее блаженство при мысли о том, что его ждут, а он, человек высокого полета, занятый важными делами, никак не может приехать к оговоренному времени. От этой мысли блаженство разливалось по всему его телу, заполняя все его клеточки до единой. В такие минуты Сердюков весело насвистывал, глядя куда-то вдаль, за горизонт суеты мирской.

Когда Петр Петрович добрался до дома Сергея, было около семи часов вечера.

— Ну, как дела?

— Да вот, прямо с работы приехал.

— А зачем ты туда ездил в субботу? — спросил Игорь, иронично улыбаясь.

— Вызывали, важный вопрос надо было решить, — нахмурившись, отвечал Сердюков. — И веселого здесь, между прочим, ничего нет.

— Это кто же тебя вызывал в субботу? — не унимался Игорь.

— Симановский, по телевизору, наверное, видели такого? — с ноткой раздражения отвечал Петр Петрович.

Раздался звонок мобильного телефона Лены.

— А, это ты, Инна.

— Меня нет, — неожиданно громко, так, чтобы непременно было слышно в телефонной трубке, сказал Сердюков.

— Его нет у нас, Инна.

.....

— Пока.

После того, как телефонный разговор был окончен, Сердюков сказал: «Не знаю, как дальше быть. Спасайте меня».

— А в чем дело? — спросил Игорь.

— Дачу я на три месяца вперед оплатил. А теперь куда мне деваться?

— А что такое?

— Так она там освоилась полностью и съезжать не хочет. Сынишку своего привезла. А я теперь вынужден в Москве летом париться.

— А я слышал, что вы дачу пополам оплатили.

— Ну какое, какое это имеет значение? Ну пополам, что с того? — нервно говорил Сердюков.

— Это на той даче, где мы с тобой и с моей дочерью жили? — ехидно спросила Нина.

— Ну к чему, к чему теперь эти скрытые упреки? Да, я виноват! — говорил

Сердюков и для большей убедительности временами опрокидывал рюмку коньяка, так что ему только успевали наливать новую. — Она меня одурманила, что ли? Не знаю. Но я готов все исправить, Нина. Отец может устроить меня в Австрию в торгпредство. Поедем? Возьмем с собой твою дочь, Вику? А? Как ты думаешь?

— Я даже не знаю. Все это звучит так неожиданно, — растерянно отвечала Нина.

— Да что тут, собственно говоря, неожиданного? Ты же знаешь, как я к тебе отношусь. К тебе и к Вике. Она мне как родная ведь!

— А откуда же тогда эта тетка взялась?

— Так ты же сама, вы же сами с Викой уехали. Что я мог? Что я мог!

— Допустим, мы уехали, потому, что ты стал совершенно невыносим... — начала было Нина.

— Ах, зачем об этом сейчас? Какое все это теперь имеет значение! Едем в Австрию. Дочь твою определим в Венский университет. И все. И точка!

— А на какие это все деньги? — спросила Нина. Все знали, что у Петра Петровича с деньгами дела обстояли неважно.

— Да что деньги? — С этими словами Сердюков достал пухлый бумажник и извлек из него большое количество мелких купюр. — Деньги не проблема!

— Однако, мне пора, — сказал Игорь. — Смеркается уже, да и прохладно что-то.

После того как он уехал, оставшиеся долго обсуждали перспективы воссоединения Нины, ее дочери и Сердюкова и обустройство их совместной жизни в Австрии. Сошлись на том, что откладывать с поездкой не надо и начиная с понедельника можно приступать к оформлению

документов. Все было решено. Они до того увлеклись беседой, что не заметили, как начало светать. Ввиду чего решено было гостям заночевать у хозяев.

Полуночью за завтраком Сердюков находился в великолепном расположении духа. Он что-то без конца насвистывал и все время смотрел куда-то вдаль.

— Надо бы позвонить дочери и родителям, — сказала Нина.

— Это еще зачем? — спросил Сердюков.

— Рассказать им обо всем. Все-таки скоро надолго расстаемся с ними.

— Ну, пока еще рано об этом говорить, — как бы между прочим заявил Сердюков.

— Как же рано, если мы собираемся документы на оформление в понедельник подавать? — удивилась Нина.

— Ну что, прямо вот так сразу бежать, что ли? Документы подавать,

да? — с ноткой утомления спросил Сердюков, что-то разглядывая вдали.

— Что-то я не понимаю, — раздраженно сказала Нина.

А хозяева с интересом наблюдали за развитием событий.

— Да нечего тут особенно и понимать, — весело посвистывая, говорил Сердюков. — Просто рановато еще. Мне сегодня еще на дачу заехать надо. Потом, потом поговорим.

— Ну, знаешь ли... — Нина бросила салфетку на стол и, сердито глядя перед собой, пошла к своей машине.

А Сердюков после ее отъезда особенно оживился, много шутил, рассказывал анекдот за анекдотом и, весело насвистывая, все смотрел куда-то вдаль. Потом забеспокоился и, сославшись на неотложные дела, стал собираться.

— Какие дела в воскресенье? Время двигается к обеду. Оставайся! Закусим,

выпьем... — заговорил Сергей, которому явно остро требовался собутыльник.

— Нет-нет. Хватит уже. Дела, знаешь ли, дела. Да и на дачу надо заехать.

— К Инне, что ли, собрался? — спросила Лена.

— Ну почему сразу к Инне? — недовольно забормотал Сердюков. — На дачу к себе я могу съездить? Я за нее, между прочим, деньги заплатил.

— Вот оно что. Тогда, конечно, другое дело, — улыбнулся Сергей, и они расстались.

Вечером того же дня в московской квартире Нины раздался звонок. К телефону подошла ее мать, Анна Васильевна.

После чего имел место следующий разговор:

— Здравствуйте, Анна Васильевна.

— Здравствуй, Петя.

— Как ваше здоровье?

— Спасибо Петя, не жалуюсь. Как здоровье твоих родителей? Давно мы их не видели. А ведь когда-то были очень дружны. Что делают годы.

— Спасибо, Анна Васильевна, все в порядке. А Нина дома? — деловито спросил Сердюков.

— Ниночка? Как же. Сейчас позову.

Когда в трубке послышалось недовольное Нинино «Да?», на нее обрушился словесный поток: «Нина! Как ты? Как Вика? Приезжайте ко мне на дачу! Мне грустно без вас. Почему ты уехала так скоро? Не попрощавшись? Что случилось?»

— А ты сам подумай, что случилось.

— Я понимаю, может быть, я в чем-то был не прав. Но нельзя же вот так, сразу.

— А как можно?

— Не знаю. Я в полном смятении. Приезжайте.

— А потом ты опять выкинешь какой-нибудь из своих номеров?

— Из каких номеров? Что ты имеешь в виду?

— Ах, ты не понимаешь? Тогда я вешаю трубку.

— Нет, не надо. Я все понял. Никаких больше номеров. Обещаю. Только приезжайте.

— Обещаешь? — Голос Нины зазвучал немного мягче.

— Да, да! Только приезжайте! Мне так тяжело!

— Сейчас уже поздно. Вике надо высыпаться. Завтра, может быть, — неуверенно говорила Нина.

— Нет, сейчас! Молю! Я задыхаюсь без вас. Не можешь с Викой, тогда приезжай одна! Я оплачу такси.

— Ну ладно, если обещаешь, что больше никаких выкрутасов...

— Обещаю.

— Жди.

Нина положила трубку и пошла собираться.

Сердюков тоже положил трубку и, обернувшись к Инне, грозно сказал: «Сейчас приедет Нина с дочерью. Они тебе покажут!»

Инна была крупная женщина, и ей не стоило большого труда отобрать у не особенно сопротивлявшегося Петра Петровича трубку телефона и нажать на кнопку повтора последнего вызова.

— Алло? — прозвучал голос Анны Васильевны.

— Мне Нину, — мрачно проворчала в трубку Инна.

— Тебя какая-то невоспитанная женщина спрашивает, — протягивая трубку дочери, сказала Анна Васильевна, не привыкшая к такому обращению.

— Алло, — сказала Нина.

— Это я-то некультурная! — заорала в трубку Инна. — Культурные, понимаешь, какие! Ну я тебе устрою! Я тебе покажу. И дочурке твоей тоже! Родная мама не узнает!

— Да вы кто? — недоумевающая, спросила Нина.

— О, они не знают, кто я! Они не знают?! Узнаешь, потаскуха такая, как только на дачу приедешь, сразу все узнаешь! Такси он ей оплатит! Кавалер какой нашелся! — орала в трубку Инна.

У Нины от мысли, какой опасности она могла себя подвергнуть, поехав на дачу, затряслись руки, и она выронила трубку, которую подобрала стоявшая рядом Анна Васильевна. Из трубки на нее лились потоки площадной брани. Потом все стихло, и слышались короткие гудки.

Мать с дочерью переглянулись между собой. Через час снова зазвонил телефон.

— Алло, — невозмутимо сказала Анна Васильевна, женщина старой партийной закалки.

— Анна Васильевна, а Нина уже выехала? — раздался заметно повеселевший голос Сердюкова.

— Куда еще выехала, Петя?

— Ко мне на дачу, конечно же! — ухмыляясь, сказал Сердюков. — Я ее жаждался уже. Она что, поскорее не может? — После этого в трубке раздалось веселое посвистывание.

— Ты, Петя, по-моему, забываешься. Моя дочь никуда не поедет.

— Ну ладно, Анна Васильевна, вы тоже не забывайтесь. С вице-президентом все-таки разговариваете. Мы с Ниной сами как-нибудь разберемся, — заносчиво сказал Сердюков.

— Я, Петя, тебя еще в коляске видела, что б ты знал. А ты мне грубишь. Какой ты вице, мы знаем. Таких тысячи

ходят. Завтра дали пинка под зад, и полетел. Не видать, где и приземлился. А я вот сейчас твоему папе позвоню. Расскажу ему все по порядку, что и как. Не думаю, чтобы ему все это очень понравилось.

При упоминании папы Петр Петрович заметно побледнел и начал, как нашкодивший школьник, нервно переминаться с ноги на ногу. Взгляд его потупился и уж более не стремился за линию горизонта. Насвистывания тоже прекратились. Настроение было безнадежно испорчено.

— Что случилось? — думала Инна, смотревшая на него в упор в течение всего разговора.

— Так ты все понял? — спокойно спросила Анна Васильевна.

— Да, Анна Васильевна, я понял. Простите. У меня это бывает. Что-то меня того, немного заносит иногда. Ви-

новат, в общем, виноват, знаете ли...- бормотал Сердюков.

— Ну и хорошо, Петя. Папе привет передавай. А Нину в покое оставь, — сказала напоследок Анна Васильевна и повесила трубку.

— Конечно, Анна Васильевна. Конечно, передам... Уж будьте покойны... — Сердюков продолжал бормотать в трубку, из которой давно раздавались короткие гудки.

Эпилог

Недели через три, погожим сентябрьским днем, в субботу старые знакомые Сергей, его жена Лена, их друзья детства Нина и Игорь вновь сидели за обеденным столом под липами, закусывали и, обсуждая странности Сердюкова, ожидали его приезда к ужину.

Ноябрь 2007

Карма

Страсти — это ветры, надува-
ющие парус корабля,
Иногда они его топят, но
Без них он не мог бы плавать.

Вольтер

История, о которой я собираюсь по-
ведать, случилась в конце вось-
мидесятых годов двадцатого века.
Дмитрию Станиславовичу Мещерскому,
молодому московскому хирургу, едва ис-
полнилось двадцать пять лет, как он со-
брался жениться. Между тем Дмитрий
представлял собой натуру довольно ве-
треную. В записной книжке его не хва-
тало места на всех его подружек. И, зная
эту его особенность, друзья настоятельно
советовали ему повременить со свадьбой.

Они говорили ему примерно следую-
щее, что, кстати, частенько говорят дру-

зья: «Дима, одумайся! И зачем тебе все это надо? Ты же ведь свои повадки в отношении женского пола не оставишь. А жена тебе только обузой будет. Врать, изворачиваться придется. Уважать себя перестанешь. К чему все это?»

Но он и слушать ничего не желал, резонно замечая, что с тех пор, как полгода назад он познакомился с Дашенькой, его никто более не интересовал и никаких интрижек у него на стороне не было. А значит, дело обстоит серьезно и откладывать свадьбу ни к чему.

— Кроме того, говорил он, — детей завести желаю. Да и надоели мне изрядно приключения на любовном фронте. Хочу спокойной семейной жизни. Опять же, ординатуру с отличием закончил недавно. Пора остепениться, сосредоточиться на работе. А метания эти по женской части работе только во вред.

Дмитрий желал стать известным хирургом. Тщеславен был, конечно. Но ведь тщеславие есть двигатель достижений человеческих. А раз так, то что же в этом плохого?

Друзья только пожимали плечами словами: «Попомнишь еще наши советы, да поздно будет».

Между тем Дмитрий действительно испытывал сильные чувства к своей Дашеньке. Ранее такого с ним не случилось. Нравились ему, конечно, девушки. Но только проходило это очень все быстро. Два-три месяца — и конец роману. Частенько, приходя в мужскую компанию, он говорил своим друзьям: «Нет, ребята, без любви жить нельзя. И поэтому я люблю...» — и после паузы самодовольно добавлял: «себя».

Да, красавец Дмитрий — высокий, статный, косая сажень в плечах — имел возможность выбирать. На жизнь, как

и на свои отношения с женским полом, он смотрел сквозь призму получения максимального удовольствия. Новизна манила его. Ему чужды были страдания неразделенной любви. Если девушка нравилась ему, то он старался донести до нее это как можно быстрее, а там как бог даст. Да — значит, да. Нет, так и с глаз долой из сердца вон.

«Но теперь со всем этим покончено», — говорил он себе, думая о своей Дашеньке, о ее белых кудряшках, о милых маленьких ручках ее, о голубых глазах. Даша, серьезная, целеустремленная девушка, тоже была врачом. Она была на два года младше его и училась в ординатуре... Помимо работы их объединяли и другие общие интересы. Они оба любили джаз. Оба были хорошо образованы, происходили из интеллигентных семей. Обоим была присуща тяга к комфорту.

«Встречаться можно с кем угодно, а вот жениться надо на той, которая сможет должным образом воспитать твоих детей, с кем будет о чем поговорить на досуге, — полагал Дмитрий. — И вот наконец я нашел такую».

На дворе был месяц май. Молодая листва своей свежестью украшала город и будоражила мысли. Свадьбу решили сыграть в небольшом ресторанчике в центре города. К пяти часам собралось человек пятьдесят: родители, родственники, друзья близкие и не очень, попадались и совершенно случайные люди. Во главе длинного стола, устроенного в виде буквы «П», разместились молодые. Последовали тосты, традиционные и оригинальные, каждый говорил, как умел. Кто-то говорил от чистого сердца, кто-то потому, что считал неприличным промолчать, кто-то потому, что его

принудили сказать что-нибудь другие, желавшие выпить, но почему-то считавшие неприличным пить без тоста. Говорили складно и нескладно. Вино лилось рекой.

Дмитрий наблюдал за собравшимися. По левую руку от него были рассажены родители и родственники. Родители новобрачных о чем-то мирно толковали.

«Похоже, они нашли общий язык», — с удовлетворением думал Дима.

По правую руку разместились молодежь. Здесь царило заметное оживление: подружки невесты с энтузиазмом знакомились с друзьями жениха.

Часов в восемь музыканты вышли на сцену, и звуки популярных песен заглушили разговоры, от которых все и без того уже устали. Собравшиеся с удовольствием вставали из-за стола, чтобы размяться после продолжительного

сидения. Начались танцы. Некоторые отправились курить на улицу. Другие просто стояли и разговаривали.

Даша тоже встала из-за стола. Тут же к ней подошел какой-то молодой человек, из числа гостей невесты, и пригласил на танец.

«Кто это еще такой?» — недовольно подумал жених. Дмитрий был изрядно ревнив, хотя и не любил себе в этом признаваться. В этот момент к нему подсел его старый приятель Игорь, который был уже навеселе.

— Ну что ж? Давай выпьем за вас, за молодую семью, — сказал он, наполняя стопки водкой.

— Давай, — ответил Дима, и они опрокинули по рюмке.

— Хорошо заходит, — сказал Игорь, закусывая черной икрой. Помолчав немного, он спросил:

— А ты слышал, как поет Люба?

— Какая еще Люба? — небрежно поинтересовался Дима.

— Н-у-у, — протянул Игорь, — не прикидывайся. Вот только этого не надо.

— Чего не надо? — не понимая сути вопроса, рассеянно спросил Дима, глядя в сторону своей молодой жены. Та-нец закончился, но она никак не хотела прервать беседу с молодым человеком. «Почему она так обворожительно ему улыбается?» — раздраженно думал Дима.

— Этого не надо, — Игорь, уже изрядно подвыпивший, завертел своим указательным пальцем перед носом Дмитрия. — Ты, надеюсь, не хочешь сказать, что не знаком с Любой?

— С какой еще Любой? — Дима тревожно посмотрел по сторонам, не слышит ли кто их беседы.

— Как с какой? — вытаращил гла-

за Игорь. — Похоже, ты и в впрямь не в курсе! Но я все же не могу поверить. Она же совершенная красавица. А какой стиль! Одета по последней моде. А ты послушай, как она поет!

— Да кто это такая, черт подери?

— Как говорится, лучше один раз увидеть, — сказал Игорь и потянул друга за рукав.

— Куда ты меня тащишь?

— Посмотришь на нее.

— Зачем мне это? Ты не понимаешь, что ли, я только что женился.

— Ну так что с того? Я же тебе ничего неприличного не предлагаю. Послушаешь только, как она поет, и все. Минутное дело. К тому же это ведь ее сестра.

— Чья сестра?

— Твоей жены, разумеется.

— Ты бредишь, мне Даша ни про каких сестер не говорила.

— О! Теперь я вижу. Да, теперь я понимаю. Очень, очень даже может быть, что не говорила, — бормотал Игорь, — женщины, они такие. У меня была одна симпатичная знакомая, сколько подружек ни приводила для моих друзей, все страхолюдины, как на подбор. Я у нее спросил однажды, не могла бы она какую-нибудь посимпатичнее привести, а то друзья обижаются. Так она мне открытым текстом заявила, что у нее подружек красивее ее нет. Но я-то видел. Вместе учились все же. Были у нее красивые подружки, только она их никогда со своими молодыми людьми не знакомила. От греха подальше. Ладно, пойдем. Только послушаешь, как она поет, и вернешься. Это, знаешь ли, того стоит.

— Не могу же я уйти от праздничного стола своей свадьбы.

— Никуда уходить не надо. Она здесь, в соседнем зале.

— Как в соседнем зале? — Дмитрий удивлялся все больше и больше.

— Так. В соседнем зале. Пошли. Только послушаешь, как она поет, и вернешься к своей Даше.

Дмитрий еще раз посмотрел на свою молодую жену, продолжавшую определенно затянувшуюся беседу с молодым человеком, и встал из-за стола. При этом он думал так: «В самом деле, ничего плохого не будет, если я пойду послушать, как поет сестра Дашеньки».

— Перед этим давай выпьем по рюмочке за вас, — пробормотал Игорь.

— Давай.

— Нет до дна, до дна, — запротестовал Игорь, увидев, что Дмитрий только пригубил свою рюмку.

— Брось, жениху напиваться неприлично, — отвечал Дмитрий, который обычно не выпивал больше двух-трех рюмок крепких напитков.

— Ну как знаешь, тогда пошли.

Они протиснулись сквозь ряды танцующих и оказались в гардеробной. Накануне Дмитрий в деталях обсуждал с администрацией ресторана план проведения вечера, однако о существовании каких-то помещений, кроме основного зала, он осведомлен не был. Сейчас он недоумевал: получалось, что в ресторане был еще один зал, который ему не показали. А ведь он просил показать ему все помещения. Значит, его обманули? Зачем? Это было странно. А появление сестры... Почему Даша о ней ни разу не упоминала? Наверное, Игорь просто хочет его разыграть. Что ж, посмотрим.

К его удивлению, шедший впереди него Игорь отдернул портьеру, которую Дмитрий раньше принимал за декоративную. За портьерой оказалась массивная дубовая дверь. На двери кра-

совалась надпись «диванная». Игорь повернул ручку, и друзья оказались в небольшом помещении, по периметру которого были расставлены диваны и кресла, а в противоположном углу располагалась миниатюрная барная стойка. Комната тускло освещалась двумя светильниками. В воздухе стоял запах каких-то благовоний, напоминавших гашиш. В креслах сидело несколько незнакомых ему молодых людей. По всей видимости, они были приглашены со стороны невесты. На одном из диванов расположилась девушка. Когда друзья вошли в комнату, она отложила гитару — видимо, она только что закончила играть — и встала. Тут же один из молодых людей, угадывая ее желание, услужливо налил стакан воды и передал ей. Девушка поблагодарила его кивком головы и, сев на диван, опять взяла гитару в руки.

Одного взгляда на нее Дмитрию было достаточно, чтобы понять, сколь она прекрасна. Если девушка и приходилась сестрой Даше, то была на нее совершенно не похожа. Даша была голубоглазой блондинкой среднего роста, немного полноватой, с аккуратной короткой стрижкой. У нее был слегка курносый нос, который сводил Диму с ума. Она почти не пользовалась косметикой, что Дима также одобрял.

У Дашиной сестры, если, конечно же, верить словам Игоря, что она ее сестра, нос был прямой, с едва заметной горбинкой, которая ее совершенно не портила, но напротив придавала дополнительный шарм. Она была шатенкой, длинные волосы ее свободно ниспадали на плечи. Роста она была выше среднего, при этом на ней были элегантные туфли на высоких каблуках, что делало ее выше большинства мужчин. Она

была скорее худощава. Дмитрий всегда отдавал предпочтение женщинам с формами, но, странным образом, худоба Любы показалась ему невероятно притягательной. Дима ощутил сухость во рту и направился к стойке бара.

На появление друзей никто не обратил никакого внимания.

— Что же мне вам еще спеть? — спросила Люба. У нее был приятный низкий голос.

— Что-нибудь архетипическое, — сказал один из молодых людей.

— Архетипическое? Я и слов-то таких не знаю, не то что песен, — отвечала Люба, улыбаясь. Потом, подумав, добавила:

— Разве что эту. Но только по твоей просьбе, Кирюша.

Дмитрий пересек комнату и сел в свободное кресло, находившееся напротив Любы. Девушка подняла голову, и

их глаза встретились. Дмитрий ощутил легкое покалывание в области головы и позвоночника, как если бы он находился на терапевтическом сеансе токов ультравысокой частоты. Потом она взяла первый аккорд, комната заполнилась чудесными звуками. Ее нежные длинные пальцы словно ласкали гитару, и та с благодарностью отдавала все лучшее, что в ней было. Потом Люба снова подняла голову и посмотрела прямо в глаза Дмитрию. Не отрывая своего взгляда, она запела низким бархатистым голосом:

*Ой, да не вечер, да не вечер,
Мне малым мало спалось,
Мне малым мало спалось,
Ай да во сне привиделось.*

До этого Дмитрий слышал эту песню много раз, но не находил в ней ничего

особенного. Сейчас же ему вдруг открылась вся ее красота и скрытая значимость. Но что самое удивительное, ему показалось, что он невольно становится участником событий песни. По крайней мере после слов «во сне привиделось» он не смог бы с уверенностью ответить на вопрос, спит он или бодрствует. Он продолжал смотреть в темные как омут глаза Любы, а она пела дальше:

.....

*Будто конь мой вороной,
Разыгрался, расплескался,
Разрезвился подо мной.*

С этого момента комнаты и сидящих в ней людей для Дмитрия не существовало более. Он смотрел в глаза Любы и видел себя самого, но отнюдь не молодым московским хирургом, который только что женился. Дмитрий

видел себя закаленным в боях, зрелым казаком, стоящим у плетня. Звали его Митко. Перед его взором открывалась бескрайняя степь. Было раннее утро. Прохладный ветер приятно охлаждал разгоряченное теплой постелью тело. Вот-вот должно было взойти солнце. Он встал до зари. Через какой-нибудь час он уйдет в боевой поход. В походах Митко бывал много раз и всегда испытывал легкое волнение перед отправлением в путь. Ведь когда отправляешься в боевой поход, не знаешь, что тебя ждет, вернешься ли. Так он прожил лучшие годы своей жизни. Так жили его отец и дед. Все они служили российскому государю и в то же время были свободны. Государь был далеко, а они были тут. Они были хозяева своей степи. Этот запах дикой свободы, перемешанный с горечью полыни, полной грудью вдыхал сейчас казак, глядя на

необъятные просторы открывавшейся перед ним степи.

Митко посмотрел назад. Перед ним был большой хутор. Там стоял его дом. Дом, где родились его дети. Он построил его своими руками. На пороге появилась его жена. Она как две капли воды походила на Любу. В руках она держала кувшин. Он стоял и смотрел, как она грациозно идет к нему.

— Выпей на дорожку, — сказала Люба, протягивая ему кувшин с молоком.

Митко взял кувшин и неторопливо выпил его до дна. Пока он пил, Люба смотрела на него. Потом она взяла кувшин и сказала:

— Я принесу твою шашку.

Митко посмотрел вслед удаляющейся жене. Ненадолго он предался воспоминаниям. Первый раз он увидел Любу на своей собственной свадьбе, тогда

Митко вел под венец добрую дивчину из соседней станицы. Когда Люба с ним заговорила, в него словно молнией ударило. Это была любовь с первого взгляда. Он был очарован ею. В ту же ночь, попирая все законы казацкого общежития, он выкрал Любу прямо из ее дома. Разразился чудовищный скандал. Они уехали из станицы и основали свой хутор. Со временем все поутихло. «Мир всегда был послушен силе», — подумал Митко.

Он еще раз посмотрел на степь и пошел в конюшню. Вот он, его вороной конь, его верный друг. Сколько раз он выручал его в смертельном бою! Своенравен, конечно, как без этого. Никому, кроме Митка, не давал себя оседлать.

Подошла Люба, у нее в руках была его шашка. Эта шашка раскроила не одну голову. Она должна была ему послужить и в этот раз.

Дмитрий похлопал коня по загривку и сказал:

— Станный мне сон был нынче, Любана.

— Что за сон еще? — спросила Люба.

— Будто конь мой перестал меня слушать, — отвечал Митко. Он помолчал немного и добавил:

— И, знаешь, будто ветер сдул папаху, и остался я с непокрытой головой. К чему бы это?

Люба внимательно посмотрела ему в глаза, как будто пытаясь в них прочесть его судьбу. На мгновение Митко заметил в глубине Любиных глаз огонек тревоги, и от этого ему, всегда такому уверенному в себе, теперь стало немного не по себе. Люба отвела взгляд и сказала:

— Да нет, видно, померещилось просто. Скачи себе спокойно. Вернешься целехонек. На вот, возьми, я тебе тут еды собрала.

Они вышли за околицу. Поцеловались. Он надел бурку, вскочил на коня и пошел мелкой рысью. Через пять минут обернулся, чтобы еще раз посмотреть на свой хутор. Люба продолжала стоять и смотреть ему вслед. Что его ждало в этот раз? Вернется ли он из похода? Кто прав: Люба или одолевающие его неприятные предчувствия? А может быть, Люба просто хотела его успокоить? Кто знает? Жизнь Митка никогда не была легкой, но ему казалось, что он сам выбрал такую. И другой он себе не желал.

Люба не пела более, а просто перебирала струны на гитаре. Дмитрий очнулся, ему показалось, что он только что прожил целую жизнь, другую, но в то же время свою. При этом его нынешняя жизнь во всей своей рафинированности и предсказуемости показалась скучной и неинтересной в сравнении с

той, только что прожитой им, полной суровой борьбы казацкой жизнью.

Люба перестала играть и отставила гитару в сторону. Дмитрий оглянулся по сторонам. Они были одни в комнате. Он встал, налил стакан воды и подал девушке. Их руки случайно соприкоснулись.

— Спасибо, — сказала она. — Как тебя зовут?

— Дмитрий.

— Понимаю. Как же я сразу не догадалась? Ты же муж моей сестры.

— Да, это так. Мы только что поженились, — почему-то смущенно, как будто чувствуя за собой вину из-за того, что он только что женился на другой, сказал Дима.

— А как тебя зовут? — спросил он.

— Люба.

— Почему тебя не было за праздничным столом?

— А почему ты не спросишь, как так получилось, что моя родная сестра нас с тобой не познакомила?

— Понимаю, — сказал Дима, хотя толком ничего не понимал. Помолчав, он добавил:

— Ты так поешь... — И замолчал, покраснев и испытывая неловкость, как если бы он, новоиспеченный муж, объяснился в любви посторонней женщине.

— Как так?

— Прекрасно, нет, это не то слово. Божественно. Да, божественно. — Диму словно прорвало, и он начал говорить без остановки, не сдерживая себя более. — Такими нежными руками другому играть и нельзя. Твои глаза бездонны! Я не видел никого красивее тебя. Спой мне еще, пожалуйста.

— Я бы рада тебе сыграть, но не могу. У меня порвалась струна. Разве ты не видишь?

Дима посмотрел на гитару и увидел порванную струну.

— Что же теперь делать? — озадаченно спросил он.

— Не знаю, видимо, не судьба.

— Наша судьба в наших руках, — услышал Дмитрий неожиданно окрепший в своей уверенности собственный голос. А сам подумал: «Что это за чушь я несу?».

— Не знаю, — ответила Люба и встала.

— Куда ты? — нервно спросил Дмитрий.

— Мне пора.

Люба сделала движение по направлению к двери и, случайно оказавшись рядом с Дмитрием, ласково провела рукой по его щеке, шепнув при этом: «Прощай».

— А когда же я тебя услышу вновь?

— Теперь уж не скоро.

— Почему не скоро? Давай завтра. Приходи к нам в гости.

— Не думаю, что моя сестра очень обрадуется моему приходу. К тому же я уезжаю завтра ранним утром.

— Куда?

— В Ялту.

— Надолго?

— Не знаю. Может, навсегда.

— Как это навсегда? Останешься жить в Ялте?

— Почему жить? Просто когда уезжаешь, никогда не знаешь, когда вернешься, — сказала Люба, но, увидев отразившуюся на лице Дмитрия искреннюю тревогу, добавила с улыбкой: — Я пошутила, просто я давно уже ничего не планирую. Билет в один конец. И никаких планов. Как надоест, вернусь. А может быть, поеду из Ялты куда-нибудь еще.

Вот так просто распрощаться с Любой,

о существовании которой полчаса назад он и не подозревал, вдруг оказалось для Дмитрия совершенно невозможным. Хоровод мыслей, роившихся у него в голове, сплелся в одну, и он сказал:

— А если я достану струну?

— Струну?

— Ну да, струну. У тебя же ведь струна порвалась. Ты из-за этого играть не можешь.

— А, струну! А ты не забыл, что ты жених на своей свадьбе? Хорошие мальчики так не делают.

— С чего ты взяла, что я хороший мальчик?

— А разве ты плохой?

— Хороший ли, плохой, но точно уже не мальчик.

— Вот оно что... — протянула Люба, улыбаясь.

— Да, вот так. Так как насчет струны? Я сейчас все организую.

— Если уж тебе так хочется меня еще послушать, то проще будет зайти ко мне. У меня дома, кажется, есть нужная струна.

— Прямо сейчас?

— Да. Я живу за углом этого дома.

— За углом этого дома? — недоверчиво спросил Дмитрий.

— Да, но думаю, тебе не стоит ходить. Моя сестра может тебя хватиться. Да и вообще, что скажут?

— Кто что скажет, меня не интересует, — твердо сказал Дмитрий, думая при этом: «Схожу ненадолго, минут на пятнадцать, и дело с концом. Никто и не заметит». — Так пойдем?

— Не обижайся, пожалуйста. Я просто о тебе беспокоюсь. Чтобы, не дай бог, не навредить чем. Но если ты так хочешь, если настаиваешь, то пойдем.

— Пойдем.

Когда они проходили гардеробную,

какие-то люди попрощались с Любой. Дмитрий с ними не был знаком.

«Приглашенные со стороны невесты, — подумал он. — Все равно ничего хорошего. Сейчас пойдут расскажут, что жених куда-то пошел. Ладно, — мысленно махнул он рукой, — я только на пятнадцать минут. Туда и обратно».

Они наконец вышли на улицу и погрузились в благоухание весенней листвы. Уже стемнело. Только что прошел дождь, который освободил воздух от висевшей в нем дневной пыли. Дмитрий чувствовал стеснение в груди. Мысли его были разобщены. Сознание спутано. Все, на что он был способен в эти минуты — это чувствовать. Чувствовать, что ему хорошо.

Люба сделала неверный шаг и, пошатнувшись на высоких каблуках, тихо вскрикнула.

— Обопрись на мою руку, — сказал Дмитрий.

Она взяла его под руку, и от этого простого прикосновения он впал в состояние небывалого блаженства.

Они пересекли бульвар, миновали еще два дома и зашли в обшарпанный подъезд обычной девятиэтажки. Место проживания Любы резко контрастировало со всем ее изысканным обликом. Они поднялись на лифте на шестой этаж. Стоя перед дверью, пока Люба рылась в поисках ключей в своей сумочке, Дмитрий жадно вдыхал аромат ее духов.

Наконец она справилась с замком, и они оказались в малогабаритной однокомнатной квартире. Впрочем, она показалась Дмитрию довольно уютной. Люба погасила верхний свет и включила торшер. Комната погрузилась в приятный полумрак.

— Проходи, садись, — просто сказала Люба. — Хочешь что-нибудь выпить?

— Пожалуй...- неопределенно ответил Дмитрий.

Люба открыла небольшой шкаф, извлекла оттуда бутылку какого-то напитка и разлила его по двум маленьким керамическим рюмкам.

— Что это? — спросил Дмитрий.

— Бальзам, такой здесь не достанешь. Мне его из Риги присылают. Я им угощаю только друзей. Попробуй, тебе должно понравиться.

Дмитрий взял рюмку и пригубил напиток.

Люба тем временем достала из какого-то шкафа струну и ловким движением натянула ее.

— Как ты все красиво делаешь, — сказал Дмитрий.

— Да? Тебе нравится? — смущенно произнесла Люба.

— Спой же мне что-нибудь, — попросил он.

— Хорошо, если ты так хочешь, — ответила она.

Люба начала перебирать своими красивыми пальцами по струнам, и комната заполнилась чарующими звуками. Она запела не сразу, давая возможность гостю в полной мере насладиться ее игрой. Дмитрий сидел, вдыхал пары бальзама и зачарованно смотрел на девушку. Когда она запела, ему показалось, что ее бархатистый голос нежно обволакивает его со всех сторон. Позже он будет тщетно пытаться вспомнить, о чем она ему пела в тот вечер. Но все, что сохранила его память, было лишь обрывками слов и фраз.

Незаметно для себя самого Дмитрий оказался сидящим на ковре около ног Любы. Она была увлечена пением и ничего не замечала. Улучив паузу в ее игре, он взял ее руку и поднес к своим губам. Люба не возражала. Тогда он встал и, нежно привлек ее к себе за та-

лию, а затем поцеловал в губы. Когда их уста слились в единое целое, время перестало для него существовать.

Его привел в чувство звонок телефона. Он держал Любу в своих объятиях.

— Не подходи, — пробормотал Дмитрий.

Телефон продолжал звонить.

— Надо все-таки подойти, — сказала Люба. Выскользнув из его рук, она откинула простыню и встала с кровати.

— Нет-нет, — говорила Люба в трубку, — никого здесь нет. Я уже давно сплю. Что за фантазии?

Звуки ее голоса окончательно вернули Дмитрия в сознание.

«Боже мой! — подумал он, — который сейчас час?» Взгляд его упал на стоявший на тумбочке будильник. Стрелки показывали начало третьего.

— Тебя, между прочим, разыскивают, — сказала Люба.

— Кто? — в ужасе спросил Дмитрий.

— Мои родители. Впрочем, они теперь и твои родственники тоже.

— Боже мой! — забормотал Дмитрий. — Что же я скажу Даше? Они, наверное, с ног сбились, меня искали.

— Скажи ей, что вышел подышать свежим воздухом и тебя сшибла машина. Потерял сознание. Ты оказался в больнице, как потом выяснилось, в результате легкого сотрясения мозга. Но теперь все нормально. Какое-то время тебе требуется покой.

— Не думаю, что Даша в это поверит. — Дмитрий заставил себя говорить спокойно. Он поймал себя на мысли, что, несмотря на всю остроту ситуации, ему, прежде всего, не хотелось, чтобы Люба заметила, что он нервничает. Но Люба уже проявила должную проницательность и уязвлено заметила:

— Я просто не хочу тебе портить жизнь.

— Ничего ты мне не портишь, — сказал он.

— Тебя все разыскивают. Волнуются. А ты здесь, с другой. — И она проникновенно посмотрела на Дмитрия. — Иди скорее. Еще все уладишь.

— Хорошо, — дал себя уговорить Дмитрий, — сейчас пойду, — сказал он и стал одеваться.

— Возьми, — сказала Люба, заботливо протягивая телефон. — Позвони ей скорее.

— И что я скажу? — поинтересовался новоиспеченный муж.

— Что ты звонишь из травмпункта.

— Нет, это не подойдет. — Ему определенно не хотелось говорить с Дашей в присутствии Любы. — Придумаю что-нибудь. Позвоню с улицы.

— Как знаешь. Я так за тебя волну-

юсь. Из-за меня у тебя теперь будут неприятности.

— Ну что ты, — сказал Дима. Ему хотелось успокоить Любу. — Какие неприятности? Все уладится.

— Не знаю, Даша такая ревнивая!

— Не будем об этом, — сказал Дмитрий. — Я сам со всем этим разберусь.

Полностью одетый, он стоял перед дверью.

— Ну дай-то бог, мой милый, — сказала Люба и нежно погладила его по щеке.

Дмитрий поцеловал ее, и время для него опять приобрело стремительный ход. Он с трудом заставил себя оторваться от девушки и спросил:

— Когда же мы увидимся?

— Не знаю, — ответила Люба.

— Давай завтра.

— Если только в семь утра, — улыбнулась Люба.

— Почему в семь? — серьезно спросил Дима.

— Какой ты чудака! Я же завтра улетаю в Ялту.

— Я и забыл, — озадачено сказал Дмитрий. — Значит, я зайду до твоего отъезда.

— Пожалуйста, не надо. Что ты скажешь Даше?

— Что-нибудь скажу.

— Нет, тут уж ничего не поделаешь, милый. Иди к своей Даше, а я полечу в Ялту. Прощай.

Дмитрий хотел было что-то добавить, объяснить, что можно придумать выход из создавшейся ситуации. И что он обязательно это сделает, но дверь Любы уже закрылась перед ним, и он остался стоять на лестничной клетке в ожидании лифта. Он посмотрел на часы. Время неумолимо приближалось к трем часам ночи. Ему надо было идти,

но хотелось остаться. Он сделал над собой усилие и вошел в открывшиеся двери лифта.

Выйдя на улицу, он быстрыми шагами пошел по направлению к бульвару. Машин как назло было мало. Только минут через пятнадцать ему удалось договориться с каким-то частником на «Жигулях» первой модели. Частник зверски курил, ругал правительство и всячески пытался вовлечь Дмитрия в разговор. Но молодому хирургу было не до праздных бесед. В начале четвертого он стоял перед дверями своего дома, если так можно было назвать двухкомнатную квартирку, которую они сняли с Дашей за несколько дней до свадьбы. Молодые планировали приехать сюда сразу после свадьбы. Какими далекими казались теперь эти светлые планы!

Дмитрий тщетно шарил в карманах в поисках ключей. Наверное, они вы-

пали, когда он торопливо сбрасывал с себя одежду три часа назад у Любы. Он позвонил в дверь. Никакого ответа. Позвонил еще раз. Потом еще и еще. Очевидно, Даша решила не ехать без него на их совместную квартиру, а отправилась к своим родителям. Это все осложняло. Одно дело было объясниться с Дашей наедине, другое — держать ответ еще и перед ее родителями.

«Переночую у родителей, — решил Дмитрий, — а там видно будет».

Он снова вышел на улицу и пошел пешком. До дома его родителей можно было дойти минут за двадцать. Дмитрий шел по набережной. Мимо него проезжали редкие автомобили. Окна в домах были темными. Город спал. После того, как он решил отложить разговор с Дашей до завтра, ему стало легче. Постепенно мысли его вернулись к Любе. Поначалу это были легкие при-

ятные воспоминания. Он явственно ощущал ее запах, легкость ее прикосновений. Дмитрий шел, насвистывал и улыбался. У дверей родительского дома он пришел к уверенности в необходимости проводить Любу в аэропорт. Дмитрий тихо открыл входную дверь. Тут его ждал неприятный сюрприз. Первое, что он увидел, было бледное лицо его матери.

— Ну и как ты все это объяснишь? — почти закричала она.

— Тихо, тихо, только без истерик, все объясню потом.

Из спальни показался отец.

— Тихо говорить не обязательно, — мрачно сказал он. — Из-за тебя все равно никто не спит. Что все это значит?

— Послушай, па, я уже взрослый человек... — Взглянув на выражение лица отца, Дмитрий осекся и сказал:

— Ладно, па, прошу прощения. Дей-

ствительно виноват. Но так уж вышло. Я потом все объясню. Утром. А сейчас мне надо идти.

— Тебе жить, — только и сказал отец, и они с матерью, убедившись, что их сын, по крайней мере, жив и здоров, отправились в спальню.

Оставшись один, Дмитрий зашел к себе в комнату, открыл ящик письменного стола и взял все имевшиеся у него деньги. Когда он подъехал к дому Любы, уже светало. Он позвонил в дверь. Люба почти сразу же открыла дверь. Она встретила его в костюме Евы. От одного взгляда на нее у Дмитрия перехватило дыхание, и он молча заключил ее в свои объятия. Она не задала ему ни единого вопроса. Они занимались любовью до шести часов утра, когда ненавистный будильник возвестил о начале нового дня, который не нес для молодого хирурга ничего при-

ятного. Во-первых, Люба уезжала, во-вторых, предстояло трудное объяснение с Дашей и ее родителями. При этом чем больше проходило времени, тем ситуация для Дмитрия становилась все сложнее.

Люба вышла из душа свежая, как утренняя заря. Как будто не было бессонной ночи.

Они выпили кофе.

— Будем прощаться, милый, — сказала она, нежно глядя ему в глаза.

— Я провожу тебя в аэропорт.

— Ну что ты? Ты же, наверное, не спал всю ночь. Тебе надо отдохнуть.

— Отдыхать будем на том свете.

— Мне, конечно, это будет очень приятно, но подумай сам, зачем тебе ехать в такую даль?

— Я просто хотел бы тебя проводить.

Всю дорогу в аэропорт они целовались на заднем сидении такси. Когда

машина подъехала к зданию «Внуково», Люба достала кошелек.

— Не надо. Я сам, — сказал Дмитрий и заплатил водителю.

Войдя в здание, Дмитрий неожиданно для себя самого сказал:

— Я хотел бы поехать с тобой.

— Я думаю, тебе не стоит этого делать, милый, — сказала Люба и погладила его по щеке.

— Ты не хочешь, чтобы я поехал?

— Я очень, очень этого хочу, но... — сказала она, призывно глядя ему в глаза.

— Ты едешь к кому-то? У тебя в Ялте кто-то есть? — прервал ее Дмитрий.

— Нет, никого, но... — неуверенно ответила Люба. — Просто я боюсь доставить тебе неприятности.

«Куда уж больше!» — подумал Дима и сказал:

— Ты не понимаешь, как ты мне теперь дорога.

— Я тоже к тебе успела привязаться.

— Тогда едем. — И Дмитрий отправился в кассы авиабилетов.

Дмитрию достался последний билет. Потом он снял трубку телефона-автомата и набрал номер Даши.

— Алло, — слышался голос ее матери.

Нет, объясняться с ее матерью, которая теперь приходилась ему еще и тещей, было выше его сил, и Дмитрий повесил трубку. Да и что он мог сказать Даше? Что улетает в Крым с ее сестрой?

«Позвоню из Ялты», — сказал он себе.

Оказавшись в кресле самолета, Дмитрий взял Любу за руку и сразу же заснул.

Во сне он снова увидел себя казаком Митком. Он находился в боевом по-

ходе. Как-то вечером, гуляя по лагерю, Митко случайно услышал голоса казаков, доносившиеся из одной палатки.

«Бравый парень наш Митко. Ежели бы он со своей сотней во фланг этим гадам не зашел вчера, то не сидеть бы мне здесь сейчас с тобой. Всех бы нас и порубали басурмане.

— Бравый-то бравый, а такой же, как все, видать, будет...

— Это как так? Думаешь, каждый так сдюжит?

— Я, брат, о другом сейчас. О жинке его, Любане.

— А что такое?

— Да ты что ж, не знаешь ничего?

— Слыхал что-то, да верить не хотел.

— То-то, что не хотел. Я тоже не хотел, пока своими глазами не увидел, как к ней Микола после захода солнца на хутор тайком пробирался. Митко в отъезде, само собой, был. Ладно бы

один Микола, а вот сколько у ней таких, как Микола, парубков побывало, и не счесть.

— Да, жаль его, такой бравый хлопец, а жинка его шлюха поганая получается. Позор да и только!

— Ладно, поточили лясы и буде, — вмешался голос третьего казака. — Сам разберется Митко.

Кровь прилила к голове Митка. Не мешкая ни минуты, он вскочил на верного коня и поскакал во весь опор. Скакал три дня и три ночи. А когда прискакал, то на хутор свой не пошел. У плетня затаился. Как солнце зашло, шаги слышались. Присмотрелся Митко из засады своей и точно — видит, Микола крадучись идет. Но не в хату пошел, а к амбару подкрался и шасть туда. Минут через десять дверь хаты отворилась и на пороге Люба показалась. Осмотрелась по сторонам, как будто бы боясь

чего-то, и в амбар устремилась тоже. Долго лежал Митко в бурьяне. Сердце бешено билось в его груди. Как светать стало, дверь амбара отворилась и на пороге Микола показался. Но Митко уже ждал его. Сверкнула вороненая сталь — и нет больше Миколы. Вошел Митко в амбар и увидел Любу. Вначале ужас мелькнул в ее глазах. А потом, как будто смирившись со своей судьбой, открыто посмотрела она на него и сказала: «Бей, Митко, бей, твоя правда. Детей только жалко, сиротами останутся». Занес Митко окровавленную шашку над головой, и тут что-то словно подбросило его в воздух. Это шасси самолета коснулись земли.

Проснулся Дмитрий в холодном поту. Некоторое время он дико вращал глазами, потом уставился на свою руку, не понимая, куда делась окровавленная шашка, которую он сжимал минуту на-

зад. Потом он посмотрел на Любу. Девушка мирно дремала в своем кресле. Значит, все было в порядке. Дмитрий энергично помотал головой из стороны в сторону, пытаясь сбросить остатки жутких сновидений.

— Что это ты головой мотаешь? — ровным голосом спросила его проснувшаяся Люба.

— Да так, пустяки, — махнул рукой Дмитрий. — А где ты собиралась жить в Крыму? — спросил он, чтобы сменить тему.

— Так, в одной санатории под Ялтой.

— В каком именно?

— По направлению к Мисхору.

— А где буду жить я?

— Думаю, там же.

— Надеюсь на это.

Потом они долго тряслись по пыльной дороге, стоя в переполненном рейсовом автобусе. Их взору открывались

чудесные крымские пейзажи. На Дмитрие была рубашка с коротким рукавом, легкие брюки и толстый кошелек в кармане. Он прихватил с собой все деньги, подаренные на свадьбу.

— Знаешь, я никогда не был в Крыму, — прошептал Дмитрий на ухо Любе.

— Неплохое начало, — шепнула она ему в ответ.

Когда они добрались до Ялты, то в первую очередь отправились на рынок. Купили немного фруктов и бутылку вина. Закусив, они отправились на море. И только искупавшись, поехали в дом отдыха.

— Мне к Антону Филипповичу, — сказала Люба на проходной привратнику строгого вида. Их пропустили. Дом отдыха оказался полностью заполненным. Но, благодаря каким-то договоренностям Любы, им выделили номер, за который за неделю вперед заплатил

Дмитрий. После легкого ужина они без промедлений устремились в постель. Потом Дмитрий забылся коротким сном. Когда он проснулся, Любы рядом не было. Он нашел ее на балконе. Она смотрела на звезды и курила. Дима сел рядом.

— Скажи, как так получилось, что Даша меня с тобой не познакомила?

— Вот так и получилось, — безразличным тоном отвечала Люба.

— А вы родные сестры?

— Да, я старше Даши на год.

— А почему ты живешь отдельно? У ваших родителей пятикомнатная квартира в элитном доме. Там всем бы места хватило. А ты ютишься в панельной однушке.

— Надоела мне вся эта семейка.

— Как это?

— Да вот так, надоела. И Даша, и мама, и папа. Все.

Дмитрию, который всегда ладил с родителями, это было понять сложно. Кроме всего прочего, отец много помогал ему в жизни: при поступлении в институт и ординатуру, при устройстве на работу. Подобного рода помощь предполагала наличие хороших отношений. И он не совсем представлял себе, как бы он мог без этого обойтись.

— Поэтому я и живу одна, — сказала Люба.

— Чем же они тебе надоели?

— Они такие правильные. Все они: папа, мама и Даша туда же. С утра встали в восемь часов. И чтоб каждый день в одно и то же время. Режим. Полезно для здоровья. Твердят при этом давно заученную бредовую фразу: *Mens sana in corpore sano*¹. В выходные, разумеется, позже, но все равно в определенное время. Скажем, в девять тридцать.

¹ В здоровом теле здоровый дух (лат.).

Дальше — завтрак. Пять дней в неделю надо обязательно ходить на работу. И чтоб с девяти до шести. А то, что работа эта, если признаться, никому из них, я родителей имею в виду, уже не интересна лет десять-пятнадцать, как минимум, то об этом лучше не упоминать. Заняться чем-нибудь другим страшно. Можно потерять, что имеешь. Вечером ужин. Раз в три месяца — в театр, раз в полгода — консерватория. Потому что надо духовно развиваться. Хотя я не уверена, интересно ли им то, что они там смотрят и слушают. Когда-то, наверное, было интересно. А сейчас — нет. Так, по привычке ходят. Перед сном читают книги, конечно же — один из путей ухода от их рутинной действительности. Раз в два месяца видятся с друзьями, то есть ходят друг к другу в гости. Хотя все темы для разговора сто лет как исчерпаны. Друзья-то новые не появля-

ются у них. Вся жизнь по расписанию. И так день за днем, год за годом. Одно и то же. Одно и то же. Невыносимо. Нет, они, конечно, добропорядочные, образованные люди. Но это все равно невыносимо. И Даша такой же, как они, становится. Они ее себе под стать воспитали. Закончила институт. Вышла замуж. Появятся дети, которые будут вести такую же скучную жизнь. И все по новой. Будут так же старательно карабкаться вверх по социальной лестнице. И знаешь, что особенно отвратительно?

— Что же? — спросил Дмитрий.

— То, что они все это больше всего на свете бояться потерять. То есть они боятся расстаться с вот этой вот рутинной. Вцепились в нее мертвой хваткой, как бульдог в кусок мяса, и тащатся так до гробовой доски. Это просто унижительно.

— А что хочешь ты?

— Как тебе объяснить? Уж только не

эту тягомотину, убивающую все живые чувства на корню. Понимаешь, важно не допустить, чтобы твой дух умер в тебе. Если дух умирает, то ничего уже не надо. Тогда ты живой труп. А однообразие убивает дух. Не знаю, как в матери, но в отце в молодости очень сильный дух сидел. По фотографиям видно. Да только вышел весь.

— А чем ты занимаешься? — спросил ее Дима.

— Ничем.

— Как это ничем?

— Так. В настоящий момент я стою с тобой на балконе.

— Я имею в виду, учишься ты или работаешь?

— Боюсь, что я тебя разочарую, если скажу, что я не учусь и не работаю. По крайней мере, в настоящее время.

— А где ты училась?

— В каком смысле?

— Ну, какой ты закончила институт, какую школу?

— Боже мой! Ну почему, почему все должны непременно заканчивать институты!

Дмитрий молчал.

— Почему? Ответь мне?

— Ну, — многозначительно начал он, — я полагаю, есть много тому причин. Одна из них очень простая — образование помогает зарабатывать хлеб насущный...

— А если я не желаю этого делать? Я не хочу отягощать свой высокий дух мыслями о хлебе насущном. Не хочу и все.

Дмитрий оставил ее комментарий без ответа и продолжал:

— Другая — это интеллектуальное развитие...

— Ты говоришь, как мои предки. А я вот что у тебя спрошу: если у тебя был

бы выбор, что бы ты предпочел: гордый свободный дух или холодный набор бессмысленных знаний?

Дмитрий зачарованно смотрел на Любу, на ее гордую осанку. В сиянии луны она была прекрасна. Сознание его было смущено. Дмитрий привлек ее податливое тело к себе. Она подняла голову и посмотрела ему в глаза. Он стал целовать ее щеки, нос, лоб, глаза. Потом их уста и тела слились воедино. Так прошел остаток ночи.

Следующий день они валялись на пляже, ели, спали и любили друг друга. Потом наступила сладкая южная ночь. И все повторилось вновь. Время летело незаметно. Каждый день Дмитрий собирался позвонить в Москву, но все время откладывал это.

Как-то раз ночью, когда они, откинув простыни, лежали на кровати, Дмитрий решил задать вопрос, который мучил

его с самого первого вечера их знакомства.

— Люба, ты знаешь... — начал было он, но замолчал в нерешительности.

— Что?

— Когда ты пела мне тогда в ресторане, у меня случились странные видения.

— И какие же видения тебя посетили, мой милый?

— Мне померещилось, будто я это не я, а казак, который собирается в боевой поход. При этом вся жизнь этого казака, то есть моя, промелькнула передо мной. Так вот, в тот момент я стоял и смотрел на степь. Я чувствовал ее запах. Различал звуки. Было раннее утро. Потом я обернулся посмотреть на свой хутор и увидел... — Тут Дмитрий замолчал.

— И что же ты увидел, милый?

— Увидел тебя. Ты была моей женой. Я знал это, понимаешь? Знал, что у нас

есть дети. Ты несла мне крынку молока. Ты была необычайно красива. И пока я любовался тобой, я вспомнил, как увидел тебя в первый раз на своей свадьбе с другой и выкрал тебя в ту же ночь. Понимаешь?

— Понимаю, — как всегда спокойно отвечала Люба.

— Я-то лично ничего не понимаю. Были ли это действительно я и ты, и как такое возможно. А что понимаешь ты?

— Это карма, карма, мой милый.

Дмитрий не стал рассказывать ей про свой страшный сон. Но слово «карма» надолго задержалось в его памяти. Он не верил в перерождение душ, но был знаком с индуизмом из краткого курса истории мировых религий. До настоящего времени все это представлялось ему не более, чем восточной фантазией.

Потом они обнялись и долго наслаждались друг другом.

В середине следующей ночи Дмитрий проснулся. На этот раз он стал думать о словах Любы о жизненной рутине. Ему начало казаться, что это она говорила и о нем. Ему стало тревожно, что настанет день и он сам превратится в элемент рутины в Любиной жизни. Он поцеловал Любу, и она проснулась.

— Почему ты не спишь? — спросила она.

— Четверостишия так и крутятся в голове.

— Ты что, пишешь стихи?

— Да, — Дмитрий открыл свою тайну, в которую никогда еще никого не посвящал. Он действительно уже несколько лет подряд подчас испытывал желание писать стихи. Иногда, особенно по весне, четверостишия буквально одолевали его. Дмитрий в тщетных потугах даже исписал несколько листов бумаги, но когда возвращался к напи-

санному, то неизменно осознавал всю незначительность своего творчества. Перечеркивал все и отправлял в корзину. Сейчас же к нему неожиданно пришла уверенность, что все наконец получится. К тому же ему хотелось объяснить Любе, что он не относится к числу заурядных людишек, в рутине коротающих свои дни, и потому он добавил:

— Да, даже на английском могу написать.

— Ах ты, мой Набоков, — сонно сказала Люба и, положив ему голову на плечо, заснула.

На следующий день, когда они лежали на пляже и смотрели вдаль на линию горизонта, Люба сказала:

— Давай зайдем сегодня вечером к Феде.

— Кто это — Федя? — спросил Дмитрий.

— Один мой друг, он, кстати, помог нам устроиться здесь.

— Откуда ты его знаешь?

— Это допрос? — спросила Люба лениво, но, посмотрев на сдвинутые брови своего кавалера, ответила:

— Так, учились в одном месте как-то.

— Где же вы учились?

— На филфаке МГУ, куда меня пристроили родители года четыре назад.

— Так ты учишься все-таки?

— Я оттуда сбежала через три года. Занудство ужасное было. Пойдем лучше окунемся в море и поедем.

Они приехали к Феде около семи часов вечера. Дверь им открыл сам хозяин. Это был долговязый детина, впалые щеки которого хранили на себе щетину трехдневной давности. Одет Федор был в шорты, здорово смахивавшие на семейные трусы, и давно не стиранную майку.

— А! — фамильярно заорал он на весь подъезд, растопыривая руки. — Наконец-то! А я-то думаю, куда она запропастилась. Теперь я вижу. — Тут он, посмотрев на Дмитрия, дружелюбно протянул ему руку. — Проказница! Шалунья! — Федя весело погрозил Любе пальцем, и они обнялись как старые знакомые.

— А я уж, признаться, подумал, что ты опять со своим югославом на Адриатику подалась, — сказал Федор. — Летний сезон, все, знаете ли, такое! Парус, яхта, острова, поросшие соснами, домашнее вино и так далее, и тому подобное.

— Какой югослав, Федя? Когда это было? — ответила Люба. Дмитрий с досадой заметил, что в ее голосе не было и тени смущения.

«Да, был некий югослав, — как бы говорила она. — Может быть, есть и

сейчас, и ждет меня на Адриатике. Так что ж с того?»

— Ну, ладно, ладно. Я не сержусь.

— У тебя и не может быть причин сердиться, — двусмысленно ответила Люба.

Они тем временем вошли в малогабаритную двухкомнатную квартиру и сразу же проследовали на кухню. А куда же еще? В советское время принято было всем сидеть по маленьким кухням. Там не только готовили еду, ели и пили, но принимали гостей, спорили, и, так сказать, культурно общались. Квартира Феди не являлась исключением. В маленькую кухню до прихода наших друзей уже втиснулось человека четыре. Девушка Вера, некие Витька и Петька, а также сам Федор. Люди все подобрались молодые, лет по двадцать — двадцать пять. На маленьком столе стояло несколько

початых бутылок пива и бутылка портвейна «Три семерки». Было накурено так, что топор можно было вешать. Собранным было весело. Беседовали о политике.

— Ты, смотри, как на Западе... — говорил Петька, который позавчера вернулся из своей первой двухдневной командировки в Австрию. Глаза его были полны благоговейного восторга от тамошней жизни.

— Где на Западе?

— В Вене, например... — говорил Петька гордо. Он явственно чувствовал свое очевидное превосходство над окружающими, которым, как и подавляющему большинству его сограждан, крайне редко удавалось пересечь границы своего большого государства. В то время выезд за пределы нашей отчизны, особенно в капстрану, был, можно сказать, актом трансценденталь-

ным. Ездили лишь особо доверенные граждане и видели там нечто такое, что другим увидеть не удавалось никогда, а именно: западную жизнь, тот уровень материального потребления и свободы перемещения, который советским людям, за редким исключением, мог разве что привидеться во сне.

— А как на Западе? — спрашивал Витька.

— Изумительно, просто и-зу-ми-тельно, — по слогам произнес Петька. — Чистота везде. Дороги, тротуары разве что не с мылом моют. Туалеты какие! А у нас грязь, разруха. По дорогам ездить невозможно. По родному городу не пройдешь, сволочь разная ходит — тут тебя и ограбят, и убьют. А у них порядок везде, а при этом полицейских не видно. А случись какое происшествие — полицейский тут же как из-под земли вырастает и порядок наводит. А у нас все на-

оборот. Милиционеров тьма тьмушая, а тебя грабить начнут, так они тут же как сквозь землю проваливаются.

— Естественно, — вполне серьезно сказала Вера. — Кому же охота головы под пули подставлять? Милиционеры, они ведь тоже люди.

— Не знаю, как там в Вене, — ответил Витька, насупившись, было видно, что ему обидно, что он не бывал в Вене, — а я вот в Болгарии был, и ничего особенного там не увидел. Я вот помню, у нас болгарка в классе училась, так она тоже все, как ты, Петь, говорила, что у них, в Болгарии, культуры больше. И что же выясняется? Подъезды, конечно, у них почище будут, но не намного. Люди, конечно, не такие озлобленные.

— Ты наших людей не тронь, — то ли в шутку, то ли всерьез сказал Федор. — Наши люди — это золото!

— Это точно, про людей ты подметил.

Наши люди душевные, — совершенно серьезно продолжил Витька, отхлебнув портвейна «Три семерки». — Так вот, туалеты там тоже, может, почище наших будут. А если памятники архитектуры, допустим, взять? В Софии их всего два, по большому счету: русскому царю освободителю да православный храм потрясающей красоты стоит. Разве можно с Москвой или Питером сравнить? Тут и Кремль тебе, и Петергоф, Петропавловская крепость — всего не перечесать за целый день. А театры? Да что там говорить. — Он махнул рукой. — Нет у них ничего такого. Нам на Восток равняться надо, там наши славянские корни. Ты славянофилов почитай, поймешь, что делать. У нас свой путь, — совершенно неожиданно закруглил свою мысль Витька.

— Я ему про Австрию, он мне про Болгарию. Нигде не был, а говорит. А

что насчет своего пути, так своим путем уже ходили не раз. «Умом Россию не понять, у ней особенная статья», — процитировал Петька. — Хватит уже, посмотри вокруг! Клопоморник какой-то, а не квартира. — И он обвел рукой маленькую кухню. По-человечески жить надо.

— То есть по-западному?

— Если угодно, то да, по-западному. Этим путем надо идти. Демократическим.

— Каким, каким? — неожиданно заорал Федя. — Демократическим? Да ты помнишь, что еще пятьдесят лет назад в стране рабство было?

— Какое такое рабство? Вроде рабов у нас в двадцатом веке не было, — недовольно осведомился славянофил Витька.

— А принудительный труд миллионов граждан в лагерях, Беломорканал и все такое. Рабство вперемешку с феодализмом.

— А кто крепостные-то? Кто феодал?

— Кто крепостные? Крестьяне, естественно. Только их колхозниками у нас называют. А паспорта отобрали. Считай, к земле прикрепили. Захотел колхозник куда поехать, а паспорта и нет. А без паспорта его любой милиционер на Беломорканал вмиг отправит. Из крепостного в раба, считай, превратит. — Он глотнул пивка и продолжил. — Нет, менталитет у людей так быстро не изменишь. Какая уж тут демократия, не приучены люди без кнута жить, смута начнется. А потому нам надо бы между Западом и Востоком, а на идейном уровне, считай, между славянофильством и западничеством, как Одиссею между Сциллой и Харибдой проплыть. Так-то...

— Нет, Восток, только Восток, — подключилась к беседе Вера. — У меня подруга из Индии приехала недавно...

— Бросьте вы свои политически незрелые беседы, — раздался мужской голос, и на кухню протиснулся еще один парень лет двадцати. — Я вот тут грибочков принес.

— Галлюциногенных? — томно поинтересовалась Вера.

— А то. — И он извлек из кармана небольшой сверток. Аккуратно развернув газету «Правда», он достал грибы. — Давайте попробуем, на всех должно хватить.

Первыми начали жевать грибы главные спорщики Витька и Петька. Остальные внимательно наблюдали за ними. Прошло минут пять после того, как они закончили трапезу.

— Ну как? Зацепило? — спросила Вера. Ей явно хотелось попробовать галлюциногенных грибочков, но она побаивалась и хотела вначале посмотреть на воздействие, оказываемое ими

на других членов команды прокуренной кухни. Петька и Витька сосредоточенно молчали и, ожидая эффекта, прислушивались к своим внутренним ощущениям.

— Ну так как? Зацепило? Что молчите? — не унималась нетерпеливая Вера.

Они молчали, прислушиваясь к своим ощущениям. Прошло еще минуты две, после чего Витька, а за ним Петька вскочили со стульев и бросились в туалет. Оттуда раздались звуки изрыгаемой пищи. Вера побежала за ними. Туалет был крошечный. Двоим там никак было не разместиться. Петька, как более проворный, оказался ближе к унитазу. Витьке же ничего не оставалось, как пристроиться сверху. И потоки изрыгаемой им пищи устремились на голову его оппонента по дискурсу. А Вера в беспокойстве все спрашивала их:

— Ну так как? Как вы? Плохо? Да?

В этот момент Петька слегка повернул голову и, уклоняясь от потоков, изрыгаемых славянофилом, прошептал:

— Зацепило.

— Какие-то грибы у тебя протухшие, — надув губы, обратилась Вера к хозяину грибов. Она была явно разочарована таким исходом дела. — Забирай их.

— Мои грибы нормальные, — сердито сказал их хозяин. — Просто вы тут все портвейна с пивом обпились. А грибы тут ни при чем.

— Черт с ними, с грибами, — сказал Федя. — Скоро Андрей—мореплаватель приезжает.

— А кто это? — поинтересовалась Люба.

— Ну, это такой парень! Сама увидишь. Сын и внук всех больших людей.

— А почему «мореплаватель»?

— Потому что матросом работает.

— Каким еще матросом?

— Обыкновенным, на траулере в северном море ходит. Крутой чувак, в общем. Сами увидите.

Дмитрия весть о скором прибытии крутого чувака почему-то не сильно обрадовала, и он сказал:

— Пойдем, Люба.

— Мы пошли, — сказала Люба всей компании.

— До завтра, — махнул рукой Федя.

Они вышли из подъезда. Уже стемнело. Им навстречу шла группа молодых людей. Беглого взгляда на них было достаточно, чтобы определить, что они находятся в состоянии сильного алкогольного опьянения и представляют явную угрозу окружающим.

— Перейдем на другую сторону, — сказал Дмитрий.

— Зачем? Мне и здесь хорошо, — беззаботно отвечала Люба.

— Так будет лучше, — и Дмитрий,

взяв ее за талию, почти силой перевел через дорогу.

Компания молодых людей проследовала мимо. Один из них взял камень и бросил им в фонарь. Послышался звук разбитого стекла. Раздались вопли одобрения его товарищей.

Когда они пришли в номер, Люба сразу заснула как убитая, а Дима вышел на балкон. Он смотрел на звездное небо. Чувства переполняли его. Четверостишья роились в его голове. В конце концов, не в силах бороться более с одолевающими его рифмами, он вышел в коридор, нашел уютное кресло и несколько часов кряду творил. Первые лучи солнца вернули его к реальности. Дмитрий быстро перечитал свои стихи и остался доволен ими. Потом он проспал до полудня. Когда он проснулся, Любы не было в комнате.

— Наверное, уже на пляже, — решил

Дмитрий и опять почувствовал позыв к творчеству.

Проведя за письменным столом еще пару часов, он отправился на пляж. Люба лежала на песке и смотрела вдаль. Она улыбнулась ему. Они поцеловались.

— Сейчас придет Федя, — сообщила Люба.

Дмитрий промолчал. Вскоре действительно они увидели приближающуюся фигуру Федора. Рядом с ним шел какой-то высокий мускулистый парень.

— Привет моим друзьям, — сказал Федя. — Знакомьтесь, это Андрей.

У Андрея были правильные черты лица, светлые волосы, голубые глаза, открытый взгляд. Над левой бровью белел шрам. Дмитрию показалось, что он где-то видел Андрея раньше.

Мужчины обменялись рукопожатиями.

«Какая у него крепкая рука», — подумал Дмитрий.

— Ты действительно матрос? — спросила Люба.

— Действительно, — отвечал он, глядя ей в глаза.

— Никогда еще не была знакома с матросами, — засмеялась Люба.

— Надо же с чего-то начинать, — улыбнулся ей Андрей, и Дмитрий заметил, что Люба немного покраснела.

— Куда пойдем вечером? — лениво спросил Федя.

— Пойдем в какой-нибудь ресторан в Ялте, — предложил Андрей.

— Там шпаны полно, еще ввяжемся в какую-нибудь историю, — запротестовал было благоразумный Дмитрий.

— В какую еще историю? — недоумевая, спросил Андрей.

— Задираться будут, себе дороже станет связываться...

— Задираться? Кто? — он определенно никак не мог взять в толк, кто же это может на него задираться.

— Хулиганье всякое, — пояснил Дмитрий.

— Это не проблема, — без тени пафоса сказал Андрей и приоткрыл свою сумку, на дне которой лежали палки, скрепленные цепью.

— Нунчаки, — весомо пояснил Федя.

— Ты умеешь ими драться? — спросила Люба.

— Конечно, — без тени сомнения отвечал Андрей.

— И как часто ты их пускаешь в ход?

— Последний раз две недели назад в Москве, на Калининском дело было. Мы вдвоем с моим другом сидели, коньяк пили, никого не трогали. На выходе к нам привязались трое, лица им наши не понравились. Пока мой друг от них отмахивался, я палки достал. Ну а

потом все просто было. Одному по груди провел. Другому — по рукам. Третий сам убежал.

Дмитрий посмотрел на Любу. Она внимательно слушала рассказ Андрея. Он говорил очень просто, и было видно, что он не врет, что действительно умеет пользоваться нунчаками и может ими разогнать несколько человек. В нем читалось какое-то безрассудство. Дмитрию показалось, что Любе он очень понравился.

— «Где же я его видел»? — мучительно думал Дмитрий, глядя на Андрея.

— Я слышала, матросы много зарабатывают, — прищурившись на солнце, спросила Люба.

— Это верно, неплохо, — просто ответил Андрей,

— Я слышала, что, оказавшись на берегу, они быстро прогуливают свои деньги в ресторанах и барах.

— И такое бывает.

— И ты тоже? — спросила Люба.

— И я.

— Тогда пошли, — предложила Люба.

Когда они проходили мимо входа в пансионат, Андрей сказал:

— Помню, как лет пять назад подъезжали сюда на родительской «Чайке». Шумная компания. Такое устраивали в пансионате! Из бассейна нас ночью администрация вылавливала. Хорошее было время!

— А кто у тебя отец? — поинтересовалась Люба.

— Тогда министром транспортного машиностроения был. Сейчас на пенсии.

Когда они сидели за столиком в ресторане, Дмитрий спросил у Андрея:

— Слушай, наверное, опасно на траулере в северном море плавать?

— В жизни все опасно, — беспечно отвечал ему Андрей.

— А много народу тонет?

— Нет, тонет немного. А вот калечится изрядное количество.

— Как это?

— Ну, например, когда трал идет, то кто-то должен стоять рядом. Если троллопается, то люди без ног остаются. Да мало ли как еще...

Посмотрев на Любу, которая с большим интересом слушала рассказ об опасностях, коим подвержена жизнь матросов, Дима пожалел, что задал этот вопрос. Он стал наблюдать за Андреем. Ему показалось, что Люба ему тоже понравилась.

Заиграла музыка, и Андрей пригласил Любу на медленный танец. Потом объявили белый танец, и Люба пригласила Андрея. Дима в глухой досаде наблюдал за ними, а они живо разговаривали друг с другом, как это делают

люди, недавно познакомившиеся, но уже успевшие понравиться друг другу.

Когда принесли счет, Андрей настоял, что расплачиваться должен именно он. Дмитрий все больше ощущал неуверенность в присутствии этого здорового парня, как ребенок, ощущающий робость в присутствии взрослых. Все это ему было очень не по душе. Он отвернулся и стал смотреть в окно. Неожиданно он вспомнил, что через два дня истекает его месячный отпуск, который он взял на работе по случаю свадьбы.

«Завтра же уеду в Москву! — решил он, — а она пускай остается со своим матросом!»

Когда они пришли в номер, Дмитрий сообщил Любе о своем решении. Он был неприятно удивлен, что она не стала его удерживать, а просто сказала:

— Конечно, милый, тебя там, наверное, уже заждались.

— А что ты будешь делать?

— Не знаю, — рассеянно ответила Люба, — поживу здесь пока...

Стало совершенно очевидно, что Люба не поедет с ним в Москву. Хуже того, она останется здесь с этим Андреем.

«И что самое неприятное, — думал Дима, глядя на Любу — что это обстоятельство ее, похоже, нисколько не смущает, а может быть, даже и радует».

— Кстати, понравился тебе этот матрос? — пытаюсь скрыть большую значимость вопроса, небрежно спросил Дмитрий.

— Да, ничего так, — ровно ответила Люба, а потом, как если бы она предалась воспоминаниям о чем-то очень приятном, удовлетворенно улыбнулась.

— Почему, интересно, он матрос при таких высокопоставленных родителях? — спросил Дима.

— Не знаю, — беспечно сказала Люба. — Мне это неинтересно. Почему бы тебе самому не спросить его об этом?

Дмитрий с досадой отвернулся. В ее словах ему мерещился зловещий смысл. Во-первых, ей не интересно, что он просто матрос. То есть ей не интересно, кто он, кем он работает. Главное, какой он. Его могучий торс, его сильные руки, его мощь и смелость. Качества, внутренне присущие ему, — вот что интересно Любе. Во-вторых, она сказала: «Спроси сам». Это означает: подойди к нему сам, попробуй, посмотрим, что из этого получится. Она, конечно же, намекает на то, что Дмитрий трусоват. А чертов матрос, напротив, смел и силен.

Дмитрию это все было очень неприятно. Люба определенно теряла к нему интерес. Но что он мог поделать? Про-

должая задавать подобные вопросы, он только делал себе еще больнее.

Она заснула почти сразу, а Дима долго ворочался, потом, ощутив наплыв мыслей, встал и, по сложившемуся обыкновению последних дней, отправился писать стихи в коридор, где и провел остаток ночи. Его счастливой особенностью была малая потребность во сне. Четырех—пяти часов сна ему было всегда достаточно. Но в эту ночь он не сомкнул глаз совсем. Около семи часов утра он крадучись вошел в номер и положил на тумбочку рядом с кроватью Любы лист бумаги. До этого он ей своих стихов не показывал, да она ими и не интересовалась вовсе, хотя знала, что он пишет по ночам. Дмитрию хотелось показать Любе, как он тонко ее чувствует. Кроме того, он хотел продемонстрировать свою исключительную образованность и что он не чета разным

там матросам. А потому на этот раз стихи были на английском языке.

*She can kill with a smile
She can wound with her eyes
She can ruin your faith with her casual lies
But she only reveals what she wants you
to see
She hides like a child, but she is always a
woman to me*

*She will promise you more
Than the Garden of Eden
Then she carelessly cuts you
And laughs while you are bleeding
But she brings up the best and the worst
You can be
Blame it all on yourself
Cause she is always a woman to me.*

Дмитрий вышел из номера и отправился в аэропорт. В руках у него был

лишь небольшой саквояж, наполненным продуктами его творчества.

«Черт с ней, — решил он для себя. — Раз она такая ветреная, пусть остается с этим матросом». Сама еще пожалеет!

По прилете во «Внуково» на последние деньги Дмитрий взял такси. Он провел в Крыму без малого месяц. Находясь рядом с Любой, Дмитрий потерял счет дням недели. Он будто бы грезил все это время. Сейчас настала пора вернуться к реальности, и он поинтересовался у таксиста:

— Не скажешь, какой день недели сейчас?

— Занесло тебя, парень! — покосился таксист на Дмитрия и, хмыкнув, ответил: — Воскресенье сегодня будет. Вишь, все по дачам разъехались. Жара вона какая стоит третий день.

Дмитрий смотрел из окна такси на опустевшие московские улицы, на

пыльную листву середины лета и думал о том, что всегда недолюбливал послеобеденное время суток. Особенно когда он находился летом в городе. Потом он подумал о том, что постыдно сбежал, отказавшись от борьбы за Любу. И ему стало совсем грустно. Затем ему пришла в голову мысль, что если бы она любила его, то поехала бы с ним в Москву.

«Но ведь ты вовсе не приглашал ее ехать с собой», — отвечал ему внутренний оппонент.

«Но она должна была видеть, что я этого страстно желал», — продолжал он спорить с кем-то.

«Как же она могла это увидеть, если ты молчал? — говорил ему неизвестный оппонент. — Не слишком ли ты многого требуешь от других?»

Мысли роились у него в голове, и он терял обретенную было уверенность в

правильности своего решения порвать с Любой.

На снятую им с Дашей квартиру он не поехал, а отправился к себе домой. Родители были на даче, и он несколько часов бесцельно слонялся по пустой квартире. Дмитрий остро нуждался в общении, но никого из друзей не оказалось дома.

«Все как по команде разъехались по бессмысленным дачам», — подумал он, невольно вспоминая слова Любы о предсказуемости и скуке обывательской жизни.

Несколько раз он принимался за чтение, но книга валилась у него из рук. Дмитрия не оставлял в покое внутренний диалог с невидимым оппонентом о правильности своего решения оставить Любу. В конце концов он забылся тревожным сном и был разбужен в десять часов вечера приехавшими с дачи родителями.

— Явился! — услышал он голос отца.

— Явился, не запылился, — добавила мать.

«Боже, как они действительно похожи! Даже изъясняются одинаково», — подумал Дмитрий.

— И надолго ты к нам? — поинтересовался отец.

— Не знаю, проживу пока...

— Ничего не хочешь нам рассказать? — спросил отец.

— Нет, не сейчас, — ответил Дмитрий. Разве можно было это вот так просто рассказать, стоя в коридоре?

— Ну-ну, — сказал отец.

Родители были обижены его поведением. И было отчего. Вначале его выходка на свадьбе, потом он месяц не давал о себе знать.

«Бог с ними», — подумал Дмитрий и отправился к себе в комнату. Он плотно закрыл за собой дверь, сел за письмен-

ный стол и писал стихи всю ночь напролет. Под утро он ненадолго заснул. К девяти утра Дмитрий уже был на работе. Несмотря на недостаток сна, он успешно провел операцию по удалению полостной грыжи. Это была его любимая операция, и Дмитрий провел ее, как всегда, грамотно, ведь по-настоящему получается лишь то, что нравится. Но теперь он не испытывал былой радости от работы. Высокое качество его труда было результатом прошлых усилий, ни о каком дальнейшем развитии речь теперь уже не шла. У него просто опускались руки. Образ Любы полностью завладел его сознанием. Он постоянно думал, что надо бы забыть ее, что мысли о ней не дают ему сосредоточиться на работе. Кем он станет, в конце концов, через десять, через двадцать лет, если ему не удастся справиться с самим собой и вновь войти в привычное русло

ежедневной работы? Так и остановится на операции по удалению полостной грыжи? Придя домой, он завалился спать, а проснувшись глубоким вечером, сел за письменный стол и снова писал стихи всю ночь напролет.

Так он прожил почти что месяц. Несколько раз, поддавшись накатившему порыву, он звонил Любе, но ее никогда не оказывалось в номере. В конце концов Дмитрий взял отпуск за свой счет, занял денег у друзей и отправился в Крым. Перед своим отъездом он отправил ворох сотворенных им стихов на рецензию в редакцию популярного в то время журнала. К счастью, было к кому обратиться. Главный редактор находился с его отцом в приятельских отношениях и знал Диму с детства. Он был изрядно удивлен полученными материалами, но обещал лично их внимательно посмотреть.

В пансионате, где они когда-то жили с Любой, Дмитрию сообщили, что она выписалась две недели назад. Поразмыслив немного, Дмитрий поехал к Федору. Увидев Дмитрия на пороге своей квартиры, Федор расплылся в радостной улыбке и дружелюбно протянул ему руку.

— Вот кого мы давно не видели! — заорал он по своей привычке. — Проходи, у нас тут как раз воблу ребята принесли. Давай, давай на кухню.

Дмитрий сделал два шага и тут же споткнулся о стоявший посередине коридора ящик жигулевского пива.

— Держи, — сказал Федор, протягивая ему одну из бутылок.

На кухне, как всегда, было полно народу, и от табачного дыма можно было вешать топор. Его старые знакомые Витька и Петька жарко спорили о судьбах России. На кухонном столе гордо

возвышалась бутылка дешевого портвейна. Стол был утыкан бычками сигарет. У Дмитрия возникло ощущение, что не было его отъезда в Москву месячной давности, а он ненадолго вышел за портвейном из Фединой квартиры и сейчас же вернулся вновь.

— А я тебе говорю, что люди наши — золото! Таких душевных людей поискать — нигде не найдешь, — весомо говорил Витька, по своему обыкновению прихлебывая портвейн.

— Это точно, — поддакивал Федя.

— То-то я смотрю, эти золотые люди загадили все вокруг, — гнул свою линию западник Петька. — Им бы, людям нашим, поехать посмотреть, как на Западе живут.

— Как же они поедут? Их же не пускают, — задавалась вопросом Вера.

— Потому и не пускают, — отвечал славянофил Витька, — что нечего им

там делать. Одно только смятение в мозгу возникнет. А они, как бесы у Достоевского, смуту потом запустят. А русскому человеку порядок требуется. Своим, своим путем идти надо, ребята! Нам ума не занимать. Оглянитесь вокруг, мать вашу! Русский культурный слой какой толщины, нас окружает!

— Порядок, говоришь?! — уже орал Петька. — А ты, сам-то кем себя видишь? Уж не рабом ли? Что с тобой происходит, в конце-то концов? Очнись!

«Действительно, что же это со мной происходит?» — думал Дмитрий, вполуха слушая нетрезвый спор собеседников. Еще недавно он видел себя примерным семьянином и подающим надежды молодым хирургом, который должен в скором будущем занять свое достойное место в жизни. Стать как минимум директором института. А как

максимум — нобелевскую премию получить. Он, правда, пока не знал, по какой теме, но это было не страшно. Узнает. И другие узнают! Надо просто быть твердым и гнуть свою линию.

В действительности же получалось все наоборот. Он бросил свою жену в первый же день их совместной жизни, хотя искренне хотел жениться. Укатил в Крым, где предавался полному безделью и чувственным удовольствиям. А вернувшись в Москву, обнаружил, что потерял всякий интерес к работе. Хуже всего было то, что вместо того, чтобы переломить ситуацию, он снова малодушно приехал в Крым.

Дмитрий встал из-за стола и не прощаясь вышел на улицу.

«Пойду погуляю, может, встречу ее где-нибудь», — думал он, бродя по темным улицам, погруженный в свои мысли о Любе. При этом его не смущал тот

факт, что Любы нет в городе. Он все равно надеялся ее встретить.

— Уважаемый, закурить не будет? — неприятный голос вернул его к действительности. Дмитрий поднял голову. Перед ним стояло трое молодых парней неопрятной наружности. У одного из разорванного кармана грязной куртки торчала початая бутылка. Было заметно, что они были пьяны и им нужен только повод, чтобы перейти к обычному для них вечернему времяпрепровождению — мордобоем. В другое время Дмитрий предпочел бы побыстрее ретироваться, и уж никак не вступать в словесную полемику. Но что-то изменилось в нем в последнее время.

— Некурящий, — зло ответил он парням и остался стоять на месте.

— Некурящие они, — повторил самый здоровый из них и, ухмыльнувшись, посмотрел на своих сотовари-

щей. Потом, придвинувшись поближе к Дмитрию, добавил:

— Откуда ж ты такой взялся, некурящий? Я тебя здесь раньше чтой-то не видал. Да ты, поди, не местный будешь?

На короткий миг Дмитрий увидел себя скачущим на коне казаком с шашкой наголо. «Посмотрим, что будет», — подумал Дмитрий и двинул предводителю шайки в нос головой. Тот зашатался и осел на асфальт. Одновременно Дмитрий почувствовал серию ударов от его дружков. Еще немного — и он оказался на мостовой. Если бы не чудом подоспевший милицейский патруль, то вечер запросто мог бы оказаться последним в жизни Дмитрия. А так он отделался разбитым ухом, носом, шишкой на лбу и несколькими синяками в области ребер. При этом Дмитрий испытывал прежде неведомое ему чувство

удовлетворения оттого, что не спасовал перед противником и даже, по всей вероятности, сломал ему нос. Проведя в отделении милиции около часа, Дмитрий был отпущен на свободу. Идти ему было особенно некуда, и он снова отправился к Федору.

— Ух ты! Ну и видок у тебя! — сказал Федор, открыв дверь. — Заходи, не стесняйся. Все разошлись уже. Третий час ночи как никак. Иди в ванную. У меня йод есть.

После того, как обмыли и продезинфицировали раны Дмитрия, Федор сказал:

— Давай на кухню, у меня бутылка портвейна в заначке осталась.

Они выпили по стакану и закусили килькой в томате. После всего перенесенного за вечер непьющий Дмитрий быстро опьянел, и его потянуло на разговор.

- Федор, скажи мне, где Люба?
- Эка, брат, тебя зацепило! — сказал Федор вместо ответа.
- Да уж, есть немного. Так где она?
- Недели две назад уехала в Сочи.
- С матросом?
- С матросом или без, какая разница?
- Разница есть, — сказал Дмитрий.
- Нет никакой разницы, — отвечал Федор.
- Есть, — твердил свое Дмитрий.
- Ну и какая же разница?
- Если она уехала с матросом, то я его, пожалуй, убью.
- А если не с матросом? А с югославом? Тогда что?
- Эта мысль не приходила в голову Дмитрию. Подумав немного, он ответил:
- Тогда убью югослава.
- Так и будешь всех убивать, с кем она...

— Так и буду, — обреченно отвечал Дмитрий.

— А они-то здесь при чем?

Тревожная мысль пришла в голову Дмитрию. Он пытливо посмотрел в глаза Федору и спросил:

— А ты сам-то с ней, случайно, не того?

— Ну, может, и того. Давно это было. Что ж ты, и меня тоже теперь убивать станешь?

— Так она просто шлюха! — закричал Дмитрий.

— Тише, соседей разбудишь.

— Вот шлюха!

— Шлюха, или нет, не знаю, но вспоминаю время, проведенное с ней, с большим удовольствием. Мало с кем я так хорошо время проводил.

— И ты так спокойно можешь об этом говорить? Ты не любил ее!

— Любил или нет — теперь уже не

скажу, время все лечит. И у тебя все пройдет. Поезжай себе в Москву. Занимайся своим делом. Мужчине себя терять нельзя.

— У меня была такая славная жена, она любила только меня, а я лью крокодиловы слезы по этой шлюхе, которая спит со всеми! Почему так? А? Она меня одурманила, видно, — почти плача говорил Дмитрий.

— Во-первых, не со всеми, а с теми, кто понравится. А во-вторых, ей есть, что дать, вот она и отдает. А многим другим женщинам и отдавать-то особенно нечего, потому они, может, кто целомудрие, кто верность хранят.

— Это как это?

— А так. Отдать можно только то, что имеешь. Правильно? — Федор вопросительно посмотрел на Дмитрия.

— Ну, допустим.

— Некоторые это гормонами назы-

вают. Я же поэтически говорю: любовь! Любовь ее переполняет, понимаешь ты? Вот Люба и одаривает ею щедро других. И по-другому просто не может. Потому она и любовница, каких свет не видывал! А другим барышням ничего такого не дано, так они нашу Любу из-за этого шлюхой ругают.

— Ну ты загнул!

— Это я тебе точно говорю, — ответил Федор, — я на эту тему много размышлял в свое время. А потом, что касается меня, то мне только такие телки понастоящему и нравятся. Другие меня не вдохновляют ни на что в этой жизни.

Дмитрий хотел было поинтересоваться у Федора, на что же именно вдохновляют его разные шлюхи, но вместо этого спросил о том, что его в тот момент беспокоило гораздо больше:

— Интересно знать, почему она мне матроса предпочла?

— Не знаю, может оттого, что он такой же безбашенный, как она сама. Не думает о том, что его ждет завтра. Идет по жизни свободно. Ни до кого ему дела нет. Ведь он, в общем-то, неглупый парень был. Сейчас-то, конечно, не до науки ему уже будет. Но в школе он неплохо учился в целом. Потом в Московский университет его отец устроил. Матрос там на первой же сессии с кем-то из преподавателей поссорился. Знать-то кое-как знал предмет, но на семинары не ходил, пьянствовал, а когда на экзамен пришел, ему банан выводят. Он в бутылку полез, мол, я же знаю. Преподаватель — ни в какую. Приходи пересдавать, говорит. Он свое гнет. Конфликт вышел. А у отца он просить ничего не хотел, и когда тот узнал, уже поздно было: отчислили сыночка. Так он в матросы пошел, чтобы независимость свою доказать.

— А нунчаки и карате?

— Он с родителями пять лет в Японии в детстве жил. А перед матросом его в морскую пехоту определили.

— Все это, конечно, хорошо. Самостоятельность, проявление характера. Но что он дальше делать будет? Когда пелена романтизма спадет с его глаз? Когда будет ему не двадцать пять, а тридцать пять, а потом сорок и пятьдесят лет. Все матросом ходить? Учиться уже поздно будет. Да и разве же в этом характер проявляется?

— Не знаю, не мое это дело, — сказал Федор. — Это его выбор. А каждый сам себе господин. Жизнь — это как кувшин. Ее так или иначе чем-то заполнить нужно. И каждый заполняет свою жизнь сам, хочешь ты этого или нет. Один учится в институте, другой в северном море на траулере ходит. Каждому — свое, в общем. А остальное — все

отговорки. И если ты делаешь то, что не хочешь, или то, что тебе не свойственно, то не надо пытаться списать это на кого-то другого или на жизненные обстоятельства. Ты приехал за Любой в Крым, и сидишь у меня сейчас на кухне потому, что сам так решил.

— А если я ничего не хочу? И ничего делать не буду?

— Значит, заполнишь свою жизнь бездельем. Но это вряд ли. На тебя это что-то не похоже. Амбициозен ты больно.

— А если я что-то делаю для достижения великой цели?

— А что цель? Мгновение. Достиг ее и привык к ней за пять минут, через неделю удовлетворение прошло бесследно. И что осталось? Годы тягомотины? Ну да ладно, давай спать. У меня для тебя раскладушка найдется. Тебе идти все равно некуда. Тут у меня на кухне и заночуешь.

— Спасибо тебе, Федя, — сердечно сказал Дмитрий. Идти в ту ночь ему действительно было некуда, да и незачем.

После стакана портвейна и разговора с Федором Дмитрию немного полегчало, но сон все же никак не шел к нему. Он долго смотрел в потолок. Затем к нему пришло озарение, он вспомнил, где он видел матроса Андрея. В своем собственном сне. Это был Микола! Тот самый Микола, с которым изменяла ему Люба в амбаре и которого он там же зарубил шашкой. Все пережитое во сне вдруг нахлынуло на него с новой силой. Дмитрий был совершенно уверен, что никакой это был не сон, а воспоминание о его прошлой жизни.

«Чертовщина какая-то! — подумал Дмитрий. — Может, действительно, карма существует и ее надо отрабатывать? Если надо, то что ж, отработаем! Но убивать я в этой жизни точно нико-

го не буду». После принятого решения он почувствовал неопишемую легкость, ему даже показалось, что он парит над кроватью. А через десять минут он уже спал как убитый.

Дмитрий еще несколько дней прожил у Федора. Днем он бесцельно скитался по городу, в тоске лежал на пляже, топтал старые царские тропы вокруг дворца в Ливадии. Где бы Дмитрий ни находился, он всегда втайне надеялся встретить Любу. Ему казалось, что вот сейчас она выйдет из-за поворота и снова все будет хорошо. Но этого не происходило. Сам он больше не пытался с ней связаться. Вечера он проводил в теперь уже хорошо знакомой ему компании у Федора, а душевными ночами строчил стихи на его кухне. Когда закончились деньги, Дмитрий, по-братски простившись с Федором, отправился в Москву.

В Москве днем Дмитрий работал, а ночью писал. Как-то раз дождливым сентябрьским вечером раздался телефонный звонок. В трубке слышался голос главного редактора:

— Старина, даже и не знаю, с чего начать. Твои стихи — это здорово. Может быть, даже гениально! В октябрьском номере мы их напечатаем. Присылай еще. Тебе обязательно надо писать дальше. Я думаю, у тебя дар открылся.

Стихи Дмитрия имели большой успех. Вскоре Дмитрия Станиславовича Мещерского приняли в Союз писателей. Тоска по Любе долго еще не оставляла его. Но Федор оказался прав, и года через два образ девушки стал постепенно стираться в его памяти, а потом и растворился вовсе. Вместе с ним закончился и его поэтический дар.

Июнь 2008

Их проблемы

Вова внимательно изучал меню. Что выбрать на закуску? Эскарго, устрицы или нежнейшее карпачо из тунца, а может быть, салат из свежайших морепродуктов, содержащий в себе мидии, осьминоги и всякие там гребешки? Одним словом — выбор. Выбор, выбор, выбор.

«Вернее будет сказать, проблема выбора», подумал Вова.

Сколько Вова себя помнил, у него всегда было много проблем. В школе, дома. Да мало ли мест, где они могут возникнуть? Время шло, Володя вырослел, но проблем в его жизни не убывало. Они тяготили Володю. Вот и сейчас он столкнулся с проблемой выбора.

Вова нерешительно посмотрел на сидящую напротив жену Олеся.

— Что ты выберешь? — спросил он ее.

— Не знаю, скажи ты первый, — ответила Олеся.

Вова посмотрел в меню еще раз и сказал официанту:

— Давайте начнем с основного блюда.

— Как вам будет угодно, — отвечал официант.

— Омар «Термидор», скажите, как вы его подаете? И, кстати, какого он размера?

— Омары у нас свежие, можете выбрать сами, если пожелаете, вот аквариум. — И официант показал рукой на стоявший в отдалении аквариум.

— Нет, это будет излишне, так как вы их подаете?

— Сначала омар отваривается или готовится на гриле — по вашему желанию, разумеется. Разрезается попо-

лам. Добавляется рис, и блюдо поливается растопленным сыром. Все как обычно.

— М-м-м, — одобрительно промычал Вова. — А они большие? Мне бы поменьше, не хочу объедаться.

— Омарчики у нас от семисот грамм, — говорил официант, все больше расплываясь в слащавой улыбке.

«А цены-то у них за сто граммов, — думал Вова. — Недешевое удовольствие. Но как надоело думать о деньгах! Что за жизнь».

Помолчав немного, Вова сказал:

— Хорошо, я возьму «Термидор» на основное блюдо и... — Он снова задумался. — С чего бы мне начать? Разве что с устриц?

— Сегодня у нас «Белон» и «Фин де Клер».

— Давайте полдюжины «Фин де Клер», что ли.

— Хочешь опять отравиться? — вступила в беседу Олеся.

— У нас устрицы наисвежайшие, — с достоинством сообщил официант.

— Ну конечно, свежайшие, это в Москве-то!

— Ежедневные доставки по воздуху, — упорствовал официант.

— Вот именно. Вова, мы же не в Марселе. И даже не в Париже. Отравят, и все. В Москве не бывает свежих устриц.

— Оставь, — махнул рукой Вова. — Сделай свой заказ, а то мы так никогда не поедим.

— Я начну с фуа-гра, а на основное... — без консультаций с официантом сказала Олеся. Было очевидно, что она не придает гастрономическим вопросам столь высокой значимости, как ее муж. — А на основное — перепелочку.

— Что будете пить? — осведомился официант.

— Бокал сотерна для моей супруги и бутылочку «Мускаде».

— Какого года сотерн?

— Позвольте винную карту.

Цены на сотерн неприятно удивили Вову, и он ткнул пальцем в год урожая, соответствующий самой приемлемой из них.

Они остались вдвоем.

— Мы сегодня шикарем? — несколько язвительно спросила Олеся.

— Да, иногда можем себе позволить, — самодовольно ответил Вова. — Я же все-таки трейдер по ценным бумагам, а не кто-нибудь.

— Лучше бы трейдер по ценным бумагам позаботился о покупке новой квартиры. А то деньги на ветер в ресторанах бросаем, а на главное не остается.

— Это все равно представительские,

на квартиру их при всем желании не потратишь, — ответил Вова, поморщившись при напоминании о квартирном вопросе. Они проживали в двухкомнатной квартире Олеси, доставшейся ей по наследству. Квартира была в хорошем доме недалеко от Тверской. Все бы ничего, но месяц назад выяснилось, что у них будет ребенок и в двухкомнатной квартире им станет тесно. Так возникла еще одна проблема в жизни: покупка новой квартиры. Им, конечно же, хотелось, чтобы «все как у людей»: тихий центр в охраняемом доме с подземной парковкой. Наличие тренажерного зала также представлялось совершенно необходимым. Вова и Олеся придавали большое значение своей физической форме. Оба были румяными, хорошо сложенными и подтянутыми.

Но, несмотря на относительно высокие доходы молодого трейдера — Вове

не было и тридцати лет — денег на все не хватало. Надо было чем-то жертвовать. Либо центром, либо охраной, либо площадью. Они ежедневно обсуждали этот вопрос и никак не могли прийти к согласию. Олеся была готова пожертвовать центром во имя большей площади, с чем никак не мог согласиться Вова, который не желал проводить в ежедневных пробках по дороге на работу по несколько часов в день.

— Раз это представительские, почему бы нам не заказать бутылочку «Дом Периньона»?

— У представительских тоже есть свои лимиты, — ответил Вова и подумал: «Ох уж мне эти вечные лимиты! Во всем! Опять приходится себя ограничивать. И вообще, свинтить бы сейчас в Марсель буйабес похлебать».

— Ну хорошо, тогда скажи, может быть, бог с ней, с квартирой? Купим

лучше небольшой домик метров двести пятьдесят?

— Только не это: не наездишься на работу. Как это ты не понимаешь простых вещей?

— Как знаешь, я хотела как лучше, — сказала Олеся, пожав плечами. Она не работала уже года три, с момента их свадьбы, и, по всей видимости, забыла, что означает простаивать в пробке по два-три часа в день.

«Не понимает она меня, вот проблема! — подумал Вова. — Ее саму бы на работу отправить, посмотрел бы я тогда».

Подошел официант, поставил бокал сотерна. Открыл бутылочку «Мускаде». Вова пригубил «Мускаде» и подумал, что надо было брать «Шабли». Когда подали первые блюда, Олеся, глядя на устрицы, опять заметила:

— Не ел бы ты их. Вот поедем на Средиземное море, тогда и поешь. Отра-

вишься опять. Вспомни, как тебе было плохо две недели назад!

— Когда это, интересно знать, мы поедем на Средиземное море? — сердито спросил Вова и сам себе ответил: — Не раньше, чем через полгода. Мне же надо работать, между прочим. И что мне теперь, устриц полгода не есть совсем?

— Хоть бы и так.

— Ну уж нет. На это я пойти не могу. Все что хочешь, но только не это, — заулыбался Вова, глядя на устрицы. И неторопливо взял одну из них, почмокав, выпил устричный сок, полил уксусом с луком саму устрицу и, смакуя, отправил ее себе в рот, не забыв при этом сделать два добрых глотка «Мускаде».

«Привязался к этим устрицам, жизни себе без них не представляет, потом лечи его, — раздраженно думала Олеся, — только устрицы и деньги в голове. Может быть, еще ценные бумаги. В

театр совсем перестали ходить. Надо было замуж за Геру выходить».

Олеся когда-то была заядлой театралкой. А Гера был ее первой любовью. В настоящее время он подавал большие надежды в качестве молодого актера. Но в то далекое время, года три назад, когда он за ней ухаживал, перспективы его были более, чем туманными. И Олеся предпочла ему Вову. Гера тяжело переживал разрыв. А год назад они случайно встретились в магазине, и с тех пор он ей звонил по телефону с завидной регулярностью раз в неделю, предлагая встретиться. Олеся не была уверена, стоит ей встречаться с Герой или нет, особенно теперь, когда она забеременела. Пусть пока ничего не было заметно, но все же в этом была какая-то несуразность. Беременная любовница!

Вова прикончил устрицы и сказал:

— Надо бы нам на Новый Год куда-

нибудь съездить отдохнуть. Как думаешь?

— Можно, а куда?

— Петровы едут на Гаити. Поедем с ними?

— На Гаити далеко лететь, вредно для маленького будет. — И Олеся погладила себя по животу. Она не любила Петровых.

— Тебе просто с Петровыми не хочется лететь, — сердито сказал Вова.

Подали основные блюда.

— Какой ты сегодня раздражительный, у тебя случилось что-нибудь на работе?

— При чем тут работа, — с досадой сказал Вова. — Обсуждаем поездку на Новый Год.

— Вот видишь, как ты сердишься, значит, что-то на работе произошло, — констатировала Олеся.

— Я про Фому, а ты про Ерему.

Но на работе у Вовы действительно не все было в порядке. Неделю назад на плохих новостях из США рынок ценных бумаг изрядно просел и портфель, находящийся в управлении Вовы, здорово обесценился. А это ставило получение годового бонуса под вопрос.

«И надо же такому случиться именно в конце года», — думал Вова. На бонус он рассчитывал, определяя возможную цену на квартиру. Теперь аппетиты придется изрядно поубавить. К тому же, ввиду изменившейся ситуации на мировых финансовых рынках, отечественные банки начали поднимать ставки по ипотечным кредитам. И что со всем этим, спрашивается, делать. Сплошные проблемы!

Вова тоскливо поглядел в окно. Был самый конец ноября. Лужи затянуло корочкой льда. Небо было ясное. Подмораживало. Какая-то старуха шла

мимо окна ресторана. Она была вся сгорбленная и передвигалась со скоростью черепахи. Олеся тоже обратила внимание на старушку, и сострадание отразилось в ее красивых глазах.

Они неторопливо прикончили основные блюда.

— Десерт здесь же поедим? — спросил Вова.

— В том же месте? Нет! Это же какая скука будет.

«Куда бы поехать? Куда поехать?» — напряженно думал Вова.

Они расплатились и, живо обсуждая эту тему, вышли из ресторана.

На улице их внимание привлекла странная сцена. Какая-то женщина пыталась помочь встать другой.

— Что-то случилось. Я сейчас, — сказала сердобольная Олеся и пошла по направлению к двум женщинам. Вова тоже был вынужден идти за ней, хотя больше

всего на свете ему в тот момент хотелось усесться в свой небольшой «мерседесик», припаркованный напротив.

Когда он подошел поближе, то увидел, что эта была та самая старуха, которую он видел из окна ресторана минут пятнадцать назад. Только теперь она не шла, скрючившись, а лежала на холодном и грязном асфальте. Его жена и какая-то женщина, по всей видимости, случайная прохожая, пытались помочь ей подняться на ноги.

«Недалеко же она ушла, однако, за пятнадцать-то минут. Наверное, бродяга какая-нибудь. Так зачем ей помогать, раз так? Всем бродягам все равно не можешь. Может быть, она пьяна вдобавок? Они все всегда пьяные», — подумал Вова и без особого рвения подключился к процессу оказания помощи.

— Не надо, что вы, не надо, я сама, — говорила старуха.

— Что вы, что вы, сами вы не справитесь, — ворковали женщины, поднимая ее на ноги.

Наконец старушка поднялась. Но без чужой помощи стоять ей было сложно. Незнакомая женщина, посмотрев на двух хорошо одетых, розовощеких молодых людей и решив, что оставляет бабушку в надежных руках, сказала:

— Ну, я пойду. — И была такова.

«Вот так так! — подумал Вова. — А нам что с бабкой делать?»

— Где вы живете? — спросила Олеся старушку.

— Буквально за углом.

— Мы вас проводим.

— Ну что вы, я не хотела бы вас утруждать. Со мной все в порядке будет.

— Но как же вы дойдете, вы же не можете самостоятельно стоять на ногах? Мы не можем вас так оставить, — настаивала Олеся.

— Как-нибудь уж. Отдохну и пойду. А вы идите. Спасибо вам большое, — отвечала старушка.

Вова присмотрелся к ней.

«Старушка одета, конечно, без художественных изысков, но явно не бомж, — думал он. — Речь правильная, и не пьяна она вовсе. Денег не просит. Ничего ей от нас не надо, вроде. Деликатность даже проявляет. Это в ее-то положении!»

— Пойдемте, пойдемте, — сказала Олеся. — Обопритесь на мою руку. Вот так.

— Ох, уж и не знаю, как вас благодарить, — забормотала старушка, и небольшая процессия двинулась вперед.

— Вы, наверное, ушиблись при падении? — спросила Олеся.

— Нет. Совсем не ушиблась.

— А почему же вы тогда идти не можете?

— Это у меня болезнь такая артритного происхождения. Но и с этим жить еще можно было. Если бы не постигшее меня пять лет назад несчастье. Дочь моя единственная погибла. Тогда со мной это первый раз и случилось. Прямо на улице ноги отказали. С тех пор такое бывает иногда.

— А вы лечились?

— Да, неоднократно, но без большого результата. Сейчас, говорят, появились новые методы. Но очень дорого все это. Не по карману мне. Я, видно, уже так и доживу.

Вова слушал краткую историю о жуткой жизни старушки с великим удивлением. Причем наибольшее воздействие оказывал на него совершенно будничным тоном, которым она вела свое трагическое повествование.

— А если бы нас не было рядом, что бы вы делали? — спросил Вова.

— Полежала бы немного. Может быть, и поднялась потом, — отвечала старушка.

— А если бы не поднялись?

— Ну что ж? И такое со мной бывает. Тогда ползу до дома. Мне не в первый раз.

— А вам кто-нибудь помогает вообще?

— Нет у меня никого. Сестра только осталась в Иркутске. Ей самой кто помог бы. Так что я все сама. Пенсию, слава богу, пока еще платят. Вот я за ней и хожу. Как-нибудь уж. Как-нибудь.

Они подошли к ее подъезду.

— Ну, все, спасибо вам большое, молодые люди. Дай вам бог здоровья, — сказала старушка, и дверь за ней закрылась.

До машины молодые люди шли молча. Потом Вова сказал:

— Так что мы говорили по поводу десерта?

Март 2008

Сборы

Слегка утомленный конституционно гарантированным трудом — а дело происходило в эпоху развитого социализма — Константин Лопухов возвращался с работы. Константин был молодым специалистом в области делопроизводства. К работе своей в столичном министерстве, название которого вряд ли сможет привнести что-либо ценное в данное повествование, Лопухов относился с прохладцей. Частенько, опасаясь получить на обработку свежую порцию документов, он делал вид, что и без того загружен ранее полученной работой. А как известно, ничто не вызывает большей усталости, чем имитация деятельности. Потому Константин уста-

вал на работе. Однако молодость брала свое. И уже по прошествии пятнадцати минут после окончания трудового дня усталость отступала, и Лопухов ощущал готовность к встречам с друзьями, подругами и всяческому веселью.

На тот памятный вечер у него была назначена встреча с Ритой, жившей по соседству, что представляло собой ее неоспоримое преимущество перед ба-рышнями, живущими в отдалении.

«Ведь если разобраться, то это действительно немаловажный вопрос где девушка живет», — лениво думал про достоинства Риты Лопухов, подходя к своему дому. Знакомясь с особью противоположного пола, он сразу же интересовался этим обстоятельством. Будучи воспитанным человеком, делал он это исподволь, так что никто и подумать не мог, какое значение оно для него имеет. Выяснив же, например, что девушка жи-

вет на противоположном конце города, он неизменно терял к ней всяческий интерес, как бы хороша собой она ни была. Ведь Лопухов был джентльменом и всегда провожал девушку до дома. Так уж его воспитала мама. Но ехать на другой конец города, возвращаться бог знает когда и, следовательно, не выспавшись идти на работу... нет — это ему не подходило!

Лопухов собирался только переодеться, перекусить — денег на ресторан на всех не напасешься — и встретиться с Ритой в назначенном месте.

Когда Константин подошел к своему дому, какое-то неприятное предчувствие пронеслось в его сознании, будто что-то легко кольнуло его в сердце.

— Привет, мама! — Поздоровался Константин. — Что у нас на обед?

— Здравствуй, Костенька! Здравствуй, мой хороший! — Мама пыталась обнять сына.

— Ну ладно тебе, ладно, — говорил самостоятельный сын, отстраняясь от надоедливых маминых ласк. — Что у нас на обед? Все ли готово?

— Готово, мой сокол, — журчала мама. — Готово, моя радость. Садись скорее. Вот так. Вот так, — ворковала мама вокруг сына, поднося все новые блюда.

— Спасибо, мама, — вставая из-за стола, сказал Константин. — А где моя новая зеленая рубашка?

— Сегодня только постирала, сокол мой. Еще мокрая, — улыбалась мама, не подозревая о совершенной ошибке.

— Как постирала? Мама! Но я же просил тебя.

— А ты надень голубую. Голубая тебе очень к лицу.

— Ах, мама! — махнул рукой раздосадованный Константин, надевая голубую рубашку.

— Костенька, совсем забыла. Тебе по-

вестка из военкомата пришла. На вот, возьми. Почитай. — Мама протянула ему повестку.

— Я глупостей не чтец, мама, — беспечно отвечал ей Константин. — Ты поступи с ней как обычно. В унитаз ее!

— Как же так можно, Костенька?

— Хочешь, чтобы меня в армию призывали?

— Но у тебя же была военная кафедра в институте, — упорствовала непростовещенная мама.

— Ну и что? Просто призовут не солдатом, а офицером.

Разговор на том был окончен. Повестка отправлена в унитаз. А Константин отправился на свидание.

Лопухов вернулся домой около одиннадцати вечера. Не успел он устроиться немного почитать перед сном, как раздался телефонный звонок.

— Да, — сказал в трубку Лопухов.

— Костя! Это ты? — дружелюбно зазвучал мужской голос из трубки.

— Я, а с кем имею...

— Сколько лет, сколько зим! Как ты? Не болеешь? Как дела, Костя? Где работаешь? — веселый голос засыпал Лопухова вопросами.

— Да все нормально. На здоровье не жалуюсь. Работаю в министерстве. А кто это? Что-то не узнаю.

— А это, Костя, майор Пронин из военкомата. Хорошо, что ты не болеешь. Ты мою повесточку получил сегодня?

«Как же это я? Черт возьми! Надо же так проколоться! Как мальчишку поймали! Теперь даже на болезнь не сошлешься!» — понеслись мысли в голове Лопухова. А добродушный майор Пронин продолжал без остановки:

— Ты завтра, Костя, приходи к девяти утра, как в повесточке указано.

— А зачем? — все же поинтересовался Константин.

— Тебе подписать кое-что надо. Переучет. Всего делов-то на пять минут! Ну, бывай, Константин. До завтра. — В трубке раздались короткие гудки.

«Надо же так влипнуть! Теперь не отвертишься, придется идти. Может, действительно переучет?» — думал Константин, но какой-то другой, подлый голосок отвечал ему: «Какой еще переучет? О чем ты? Не переучет это вовсе. Тут, брат, кое-что похуже будет».

Константин заснул с тяжелыми думами о том, как переменчива бывает жизнь. Еще несколько часов назад он гулял по парку со своей новой знакомой Ритой. Как в сказке тихо опускался мягкий снег. Константин острил, а Рита звонко смеялась. Потом они долго целовались у ее подъезда, а падающий снег укрывал их от посторонних глаз. И

вот теперь ему надо идти в военкомат. Это место всегда для него ассоциировалось с чем-то жестким и угрожающим.

В девять часов следующего дня Константин открыл дверь военкомата. Прямо перед входом стоял стол. Какая-то женщина с неприятно безучастным лицом, увидев Константина, сразу же задала вопрос: «Ваше имя, фамилия?»

— Зачем, я ведь только по вопросу переучета, мне майор Пронин так сказал, — попытался увильнуть Константин.

— Такой порядок, — безучастно проговорила женщина и повторила вопрос: — Ваше имя, фамилия.

— Константин Петрович Лопухов, — сдался Константин.

— Вам в комнату номер три, — сказала женщина, аккуратно записав в журнал его данные.

«Как тут все организовано. Только зайди, уже не вырвешься!» — мрачно

подумал Константин и открыл дверь комнаты номер три. За столом сидел какой-то военный в форме капитана.

— Здравствуйте, мне к майору Пронину. По вопросу переучета...

— Доложите, пожалуйста, по форме, — неожиданно звучным голосом рявкнул капитан. — А именно: лейтенант запаса, ФИО, для прохождения сборов прибыл.

— Каких еще сборов, товарищ капитан, я к майору Пронину, по вопросам переучета. Он мне вчера звонил, — залепетал Лопухов.

— Лейтенант запаса! Доложите по форме... — начал было снова капитан, но, посмотрев на Константина, добавил: — Пройдите в комнату номер пять.

«Влип! Так и есть! Хорошо еще, что не на службу. Но сборы? Что это такое вообще? Наверное, тоже не сахар» — думал Константин, сидя на жестком стуле в ком-

нате номер пять, в которой скопилось изрядное количество народа. Из разговоров сидящих рядом он разобрал, что собравшаяся публика в большинстве своем представляет работяг с соседних заводов и фабрик. От некоторых, несмотря на ранний час, уже устойчиво пахло спиртным.

Далее события разворачивались стремительно. Не прошло и двух часов, как неорганизованную толпу переодели в одинаковые ватники, шапки-ушанки, валенки, усадили в автобусы и отправили в неизвестном направлении.

— Ну как, сынок? — спросил у Константина небритый детина лет сорока, разместившийся рядом с ним. — Первый раз в партизаны?

— В каком смысле? — спросил Константин.

— Ну в партизаны, первый раз? — еще раз повторил вопрос детина и поправил свою шапку-ушанку.

— В первый раз, — ответил Константин, уяснив для себя, что людей, призванных на военные сборы, называют партизанами.

Прошло несколько часов. Константин задремал. Проснулся он от недовольного гула человеческих голосов. Автобус раскачивало на ухабах проселочной дороги. Вокруг расстиралось поле, покрытое снегом. Вдалеке угадывался темный лес. Вечерело. На поле неясно чернели какие-то предметы. Присмотревшись, Константин разобрал, что это были группы людей, занятых непонятной работой.

— Что это? — спросил кто-то.

— Это палатки, мужики! — ответил кто-то из бывалых партизан.

— Нам палатки на х... не нужны, — уже раздавались со всех сторон недовольные голоса партизан.

Автобус остановился, и построив-

шимся в шеренгу партизанам отдали приказ строить палатки. Было также объявлено, что в ближайшие три-четыре недели жить они будут именно в этих самых палатках.

— То есть, как это в палатках? Это как, спрашивается, понимать? — не веря своим ушам, озабоченно вопрошал Константин. — Я не знаю, как можно в палатке жить зимой? Да и зачем это нужно в эпоху научно-технической революции?

— Ща печку поставим и ничаго, — отвечал ему бывалый партизан.

Ближе к ночи Константин узнал, что в палатке зимой жить можно и что в общем-то это не так уж и страшно. Разве что ходить по нужде на морозе будет особенно неприятно. А еще по ночам будет зверски холодно — это когда смотрящий за печкой, находящейся в центре палатки, засыпает либо страшно жарко — когда, напротив, печь чрезмерно растопили.

С течением времени Лопухов также ознакомился с целями происходящего. Задачей сборов оказалось развертывание секретного производства в полевых условиях русской зимы. К удивлению Константина, производственный цех рос на глазах.

Однажды, по прошествии двух недель, Лопухова отрядили быть дежурным офицером. В течение дня все было ничего. Самое трудное предстояло ночью. Перед тем как отправиться ко сну, настоящий старший офицер зашел к Лопухову в штабную палатку для проведения инструктажа.

— Лейтенант Лопухов, — звучным голосом проговорил старший офицер. — Вы назначены дежурным офицером. Ночью не спать. Поддерживать огонь в печке. В ваше распоряжение поступают также рядовые Шибзиков и Чумаков.

Константин, которому едва исполнилось двадцать три года и который никогда не отличался особенной физической силой, с тоской посмотрел на двух стоящих перед ним пятидесятилетних партизан работяг.

— Как стоите в присутствии офицеров, — рявкнул на них настоящий старший офицер. — Смирно!

Работяги с видимым недовольством изобразили стойку, чем-то напоминающую «смирно».

«Если они настоящего офицера толком не слушаются, то я-то уж тем более вряд ли с ними справлюсь» — подумал Константин.

— Напоминаю. Вам, Лопухов, как дежурному офицеру, отлучаться из палатки нельзя, — бодро продолжал старший офицер. — Самое главное — это в четыре часа связаться посредством спецсвязи со ставкой. И доложить: «огневая 53

на марше». Необходимо дожидаться ответа. В девять часов сдадите дежурство другому офицеру. Все поняли?

— Так точно, — ответил Лопухов.

Настоящий офицер ушел. А партизан Лопухов остался нести дежурство за старшего с двумя мужиками, которым он по возрасту годился в сыновья.

Через час дрова в печке прогорели, и в палатке стало заметно холодать.

— Вы не могли бы подбросить дров в печку? — интеллигентно обратился Лопухов к сидевшим в углу палатки Шибзикову и Чумакову.

— Тебе надо, ты и подбрасывай, — ответил Чумаков.

— А вам не холодно, что ли? — попытался логически убедить подчиненных ему мужиков молодой специалист Лопухов.

— Неа, — коротко ответил Шибзи-ков.

Лопухов встал из-за стола и подбросил дров в печку сам. Чумаков и Шибзи-ков молча наблюдали за его действиями.

Часам к двум ночи он отправил в печку последнее полено. Температура в палатке начала стремительно падать. Надо было, чтобы кто-нибудь сходил за дровами. Константин посмотрел на своих подчиненных. Они сидели и тупо смотрели перед собой.

— Мужики, надо бы за дровами сходить, — осторожно произнес Лопухов.

Никто из них не пошевелинулся.

— Слышь, мужики, дрова кончились, надо бы сходить, — снова сказал Константин.

— Тебе надо, ты и иди, — наконец ответил Шибзи-ков.

— Мне из палатки нельзя выходить, — попробовал убедить их Лопухов.

— Тогда не выходи,

— Так замерзнем же.

Мужики молчали. Они продолжали смотреть перед собой. Во взгляде их застыло тупое упрямство. На улице был трескучий мороз. Не прошло и часа, как в палатке стало невыносимо холодно.

У Лопухова начали стучать зубы от холода. Ему стало ясно, что до утра он так не протянет. Холодная ярость неожиданно овладела им. Ему показалось, что ярость эта заполнила каждую клеточку его тела от пят до макушки. Глаза его побелели, и он неожиданно для себя заорал:

— Шибзиков! Встал, мать твою! Встал немедленно! И пошел за дровами, е... тебя под лопатку!

Шибзиков в удивлении повернул к нему голову и собрался что-то сказать.

— И не пиз...ть! — Лопухов ударил рукой по столу и продолжал орать: — Одно слово, и я звоню старшему офицеру!

— А почему я... — вставая, начал было Шибзиков.

— Да потому, — орал Лопухов, — что ты!

— Ну так бы и сказал. Что орать-то? — пробормотал Шибзиков и отправился за дровами.

Через час в палатке снова было тепло. Шибзиков и Чумаков подбрасывали дрова по мере необходимости. А еще через два часа Лопухов снял трубку спецсвязи и бодро доложил: «огневая 53 на марше». Не услышав ответа, он доложил еще раз: «огневая 53 на марше!»

— Спасибо, голубчик, — откуда-то издалека донесся до него усталый и вполне будничный голос. И Лопухов представил себе, как где-то в недрах министерства обороны или генерального штаба, в Москве, усталый человек средних лет, сделавший неплохую карьеру по армейской части, сейчас сидит в темном кожаном кресле, за массивном дубовым столом, обитым зеленым

сукном, и настольная лампа с большим абажуром наполняет его кабинет уютным светом. И этому человеку невероятно скучно слушать подобного рода донесения. Для него они рутина, которую надо просто пережить. Докладывать больше было нечего и некому. В палатке было тепло. Дневальные Шибзигов и Чумаков следили за печкой. И Лопухов стал потихоньку засыпать. Голова его несколько раз падала на стол, отчего он просыпался. Тогда он откинул портьеру, если так можно было назвать кусок брезента, находящийся прямо у него за спиной, и обнаружил там кровать.

— Мужики, я вздремну немного, а вы меня разбудите через полчаса.

— Само собой, — ответил ему Чумаков. — Ты это, не волнуйся, лейтенант, разбудим, ежели чаво.

Как только голова Лопухова косну-

лась подушки, глаза его закрылись, а сам он забылся тяжелым сном.

Проснулся Константин оттого, что кто-то сильно тряс его за плечо. Он открыл глаза и увидел перед собой лицо Чумакова.

— Тихо, тихо. — Чумаков приложил палец к губам.

— Что, что такое? Сколько времени? — Лопухов хотел было вернуться на свой пост, в штабную палатку, откуда доносились чьи-то голоса.

— Нельзя, нельзя туда. Давай сюда, сюда давай. — Чумаков с трудом приоткрыл полу палатки и почти протиснул на улицу слабо сопротивлявшегося Лопухова. Дневной свет ударил в глаза Константину, и он оказался за пределами штабной палатки.

После этого последовал краткий пересказ Чумакова событий того утра.

— Сидим мы, значит, с Шибзиковым,

дрова подкидываем. Заходит капитан. Тебя спрашивает. Ну, мы ему сказали, что ты это, того, по нужде, значит. Он нам тогда и говорит, что, мол, сейчас из штаба начальство приедет на проверку, как, мол, тута делается все, посмотреть. Ну а мы чаво. Мы ничаво. Сидим, значит. Капитан по палатке ходит туда-сюда. Вдруг две черные «Волги» подъезжают. Я их через окно увидал. Капитан — как ошпаренный из палатки бегом их встречать. А они уже тута, в палатку шасть всей гурьбой. Все полковники больше и один майор, кажись. Человек шесть всего. Вначале шумно так говорили, у карты все разглядывали что-то.

— Про меня спрашивали? — поинтересовался Лопухов.

— Да на кой ты им сдался?

— Я же дежурный офицер.

— А? Про дежурного, кажись, спро-

сили. Полковник один так и сказал, где же, говорит, дежурный офицер. Но капитан наш ему, кажись, лапшу повесил. Не вспоминали, значит, больше. Потом обратно у карты все столпились. А мы в углу, значит, все сидим. Нас и не видно. Потом вдруг тихо стало на мгновение. И тут слышно стало, храпит кто-то. Полковник тоже, кажись, услышал и головой давай вертеть. Я смотрю, из-за брезента сапог твой торчит. Ну, думаю, все. Но тут опять все загалдели и полковник с ними. Короче, капитан тоже сапог твой заметил. Мне и говорит. Давай, мол, его задним ходом по-тихому на улицу выводи.

Парадоксально, но для Лопухова выходка эта прошла безнаказанно. Капитан сразу же после совещания уехал вместе с большими чинами в город и не появлялся до конца сборов. А через две недели с начала всего мероприятия

всех решено было отвести в баню. Чтобы помыться.

А еще через две недели высшие чины сочли задание выполненным, всех партизан погрузили на автобусы и отправили по домам.

Оказавшись дома, Лопухов первым делом отправился в ванную. Он налил себе рюмочку коньяку и позвонил Рите, чтобы договориться о встрече в тот же вечер. После этого он позволил маме покормить себя. Точнее, он с жадностью набросился на еду. Все вполне обыденные вещи, как-то: рюмка хорошего коньяка, ванна, шампунь, тепло центрального отопления, которое существует само по себе, то есть не надо подкидывать дров, чтобы поддерживать тепло, домашняя еда, телефон — представлялись ему в тот вечер чем-то волшебным, вызывающим чувство непреходящего наслаждения и даже легкого удивления.

Встретив Риту тем же вечером, он рассказывал ей:

« ...На третью неделю нас повели в баню. До бани пришлось идти километров шесть. Мороз стоял изрядный. Но к нему лейтенант Лопухов, то есть я, уже был привычен. Привык он и к жестким казенным валенкам, которые поначалу страшно натирали ему ноги.

Замечу, баня представляла собой большую, холодную, тускло освещенную комнату, на полу которой находилось некоторое подобие плитки. Создавалось впечатление, что из всех щелей тянет морозным воздухом. Из одной стены выходило несколько кранов. Из кранов полноводными струями хлестал кипяток. Холодной воды не было вовсе. В отдалении стояло несколько тазов. На всех их, естественно, не хватало. Наполняешь таз кипятком и ждешь, пока он остынет. А тебя поторапливают

твои товарищи-партизаны, которым таз не достался. В комнате ведь прохладно, особенно без одежды».

Рита внимательно слушала красочное изложение Константина о постигших его злоключениях. Глаза ее говорили: «Ты — герой, герой!» Вокруг них кипела комфортабельная жизнь мегаполиса, готовящегося к встрече Нового Года. Ощущение праздника парило в воздухе. Константин чувствовал его всеми фибрами своей души. Особенную радость в тот вечер ему доставляло ощущение комфорта, исходящего от мягких кожаных зимних сапог на меху, в которые были обуты его ноги.

*Валь Торранс
Январь 2007*

Старые письма

Письма, приведенные ниже, были обнаружены мной совершенно случайно. Несколько месяцев назад горячо любимая мною матушка отправилась в мир иной. Результатом этого безусловно печального события явилась необходимость распорядиться оставшимся мне наследством в виде небольшого дома, находящегося в пригороде Парижа, где некогда проживали мои родители. Отец мой, царство ему небесное, преставился задолго до смерти моей матушки. Сам я, будучи человеком еще не старым и не обремененным семейными узами, давно обосновался в Латинском квартале Пари-

жа, где жизнь бьет ключом, и пока совсем не испытываю тяги к уединению в пригороде. В связи с этим доставшийся мне в наследство дом лучше всего было продать, особенно принимая во внимание некоторый недостаток средств, который я испытывал в последние годы.

И вот несколько дней назад я отправился в родительский дом, где когда-то прошло мое детство, для того, чтобы собрать дорогие моему сердцу вещи.

Письма, с которыми я собираюсь ознакомить читателя, находились на дне старой, всеми забытой коробки, стоявшей в подсобном помещении, из чего я делаю заключение, что они вряд ли могли представлять какую-либо ценность для моей матушки, хотя и принадлежали перу сестры ее матери. С другой стороны, по моему мнению, темы, затрагиваемые в письмах, могут показаться любопытными для определенного круга

читателей, интересующихся не только проблемами нашей современности, но и тем, что происходило более семи десятилетий тому назад.

Как можно увидеть из писем, несмотря на очевидные изменения условий жизни, основные стремления людей, такие как жажда наживы или потребность в любви и взаимопонимании — не претерпели существенных изменений. При этом некоторые элементы безвозвратно ушедшего в прошлое жизненного уклада эпохи моей двоюродной бабушки остаются мною непонятыми. К примеру, мне не ясно, что такое продукты из распределителей, магазин «Березка» или путевки в ведомственный пансионат, а также некоторые другие виды материальных благ, которыми очевидно дорожит автор писем. Я полагаю, что в той стране, где жила моя бабушка, деньги не являлись единственным ин-

струментом доступа к материальным благам. Похоже, для этого нужно было что-то еще: работать в определенном месте или ездить в заграничные командировки. Не могу сказать точно, в любом случае — это лишь мои предположения. Тем больший интерес я испытывал при чтении. Непонятное всегда манило меня. Встреча с ним помогает бороться с одолевающей меня с годами скукой.

Июнь 2053 года.

P. S. Часть писем, по всей видимости, оказалась утраченной. Несмотря на это, уцелевшие письма представляют, с моей точки зрения, достаточно полную картину лучшей части жизни моей двоюродной бабушки. Хотя мне известны примеры, когда люди по-настоящему начинали жить и в более зрелом возрас-

те, подобные случаи, по моему разумению, скорее являются исключениями, нежели правилами.

Здравствуй, дорогая моя Ирочка!

Я так за тебя рада. Твой муж — такой интересный мужчина! Вы такая красивая пара! Напиши мне скорее, как там жизнь во Франции. Нашла ли ты себе работу? Где вы живете? Будешь ли ты работать? Познакомилась ли ты с его родителями?

У меня все по-прежнему. Теперь я осталась одна в комнате, где мы раньше жили вместе. Мама с папой живут в другой. Папа очень плох. Маме приходится работать за двоих, но денег все равно не хватает. Собираюсь переводиться на вечерний и выходить на работу. К тому же мне совершенно не интересны все эти

формулы, которыми забивают голову на лекциях и семинарах. Ты же знаешь, я вся такая воздушная! Мне бы по полю побегать, собрать цветов букет. И как меня угораздило поступить в технический институт? Наверное, единственной причиной моего в нем пребывания является низкий проходной балл.

Скорее бы уж его закончить. Осталось немного. Один год.

Коля мне теперь просто проходу не дает. Иду из института домой, он сидит у подъезда. Не скрою, пришлось поработать как следует, чтобы довести его до такого состояния. По-моему, теперь он готов к самому главному. Но не будем загадывать. Говорят, это плохая примета.

Пиши мне, не задирай нос, что живешь за границей.

Твоя Соня.

Москва, Апрель 1980

Здравствуй дорогая моя Ирочка!

Уже месяц, как я перевелась на вечерний и вышла на работу. Местечко, конечно, паршивое, но хоть какие-то деньги. По крайней мере, смогу себе что-нибудь купить из одежды. Мои сапоги, сказать стыдно, совсем прохудились.

Ты не поверишь, Коля вчера познакомил меня со своими родителями! По-моему, я им понравилась. Отец, его зовут Петр Федорович, — такой толстый и солидный мужчина. С благородной сединой. Говорит мало, но степенно. Еще бы, я ведь тебе рассказывала, какую должность он занимает. У них огромная квартира в сталинском доме на Садовом Кольце! Метров восемьдесят, а то и все девяносто будет! Ты представляешь, какие хоромы? С нашей сорокаметровой клетушкой в Кузьминках не сравнить.

На прошлой неделе встречалась со своими одноклассниками из нашей компании. Как мы с ними повеселились! Они милые ребята, но какие-то немного бестолковые и совершенно беспечные. Я познакомила с ними Колю. Они ему как-то не очень понравились. Бесперспективные, говорит. Зато с ними можно подшутиться, посмеяться вдоволь. Поноситься по парку.

А Коля мой — молодец. Он свободно разговаривает на двух языках! У них дома огромная библиотека, которую он, по-моему, знает наизусть. А какой он целеустремленный, мой Коля! Пашет на работе с утра до ночи. В свои двадцать восемь уже многого достиг. Отец для него, конечно, сил не жалеет. Ведь это он устроил его на работу в Министерство иностранных дел. Он уже в командировки за границу ездит. Так-то!

Я очень рада, что у тебя все хорошо.
Пиши. Целую.

Твоя Соня.

Сентябрь 1980

Дорогая Ирочка!

Поздравь меня! Сегодня Коля сделал мне предложение. Свадьба через месяц. Я, откровенно говоря, думала, что он сделает мне его раньше. По-моему, это его мама, Нина Сергеевна, на него плохо влияет. Она меня недолюбливает. Еще бы! Она мой полный антипод. У нее такие толстые ноги и руки, огромный живот и тройной подбородок! А я такая маленькая и воздушная. Она такая рассудительная. А я, ты же знаешь, мне бы похихикать, по полю поноситься. Боюсь, ее это раздражает. Как мы будем жить под одной крышей?

Ты знаешь, Петр Федорович обе-

щал пристроить меня в одно ведомство. Боюсь, как бы мне не помешало, что у меня родственники за границей.

Я очень рада, что у тебя все хорошо. Пришли мне фотографию своего дома.

Целую. Твоя Соня.

Май 1981

Дорогая Ирочка!

Спешу тебе сообщить, что я вышла на работу в министерство Н.! Должность моя называется референт. Но, по большому счету, это что-то вроде секретарши или помощника. Мой шеф, большой начальник, дядька пятидесяти лет, является другом Петра Федоровича. Делать на работе почти ничего не надо. Но очень строгий распорядок. К девяти часам утра нужно быть как штык! Хотя кому и зачем это надо — непонятно. Ведь все равно делать особенно нече-

го. Деловой стиль одежды обязателен. Все такие серьезные ходят, чем-то озабоченные. Не похихикаешь, не посмеешься. Трудно мне это. Но все же лучше, чем непонятно где пахать с утра до ночи. А тут еще пару лет поработаешь, глядишь, к специальной поликлинике прикрепят. А какой здесь буфет! Ты бы видела! Сосиски, сардельки, колбаса. И все из специального цеха имени Микояна. А цены при этом просто смешные. Пойди купи все это на улице в обычном магазине! Ничего не выйдет. Ты знаешь, у нас в последнее время с товарами совсем плохо стало. А тут все-таки надежно как-то.

Коля мой раз в полгода за границу в командировки ездит! Такие мне платья, туфли привозит! А недавно привез дубленку. Я так мечтала о ней. А ты бы видела, какие я джинсы ношу!

Все, казалось бы, хорошо. Свекровь

вот только ест меня поедом. Не понимаю, за что она меня невзлюбила. Я ведь все, все, все делаю. Посуду мою, стираю, глажу. А я ведь еще работаю с девяти до шести.

Да нет, что это я жалуюсь? Живу как у Христа за пазухой. Огромная сталинская квартира: восемьдесят шесть метров! Работа в министерстве Н.! Коля мой такой перспективный, и все в дом. Не то что некоторые. Знаешь, как бывает.

Целую. Твоя Соня.

Август 1981

Дорогая Ирочка!

Очень грустно, что ты не смогла приехать на похороны отца. Но что делать, я все понимаю. Грудного ведь на других не оставишь. Как странно, что такое грустное и такое радостное событие,

как смерть и рождение, совпали. Береги маленького. Обязательно пришли фото!

Мы купили автомобиль «Жигули» первой модели. Вот так-то! Отец Коли посодействовал. Без этого, сама понимаешь, в очереди еще лет десять бы стояли. Да и денег таких своих нет. Мне теперь на работе иногда дают путевки в ведомственный пансионат! Там даже есть бассейн. И в номер никого чужого не подселяют. Представляешь себе? Вот так-то!

А еще, не знаю даже, как тебе написать об этом, но больше рассказать самое сокровенное мне некому. На работе меня окружают одни надутые павианы, которые живут чисто физиологической жизнью. С утра они встают, плотно завтракают, идут на работу, через какое-то время обедают, потом, начитавшись вдоволь разных скучных бумажек, от-

правляются к себе домой восвояси. Там их ждут такие же толстые жены и мужья. Они, наверное, смотрят телевизор, а потом, плотно поужинав, отправляются спать. На следующий день все повторяется вновь. И так пять, десять, двадцать лет. Потом пенсия. А я так не могу. Я ведь воздушная, ты же помнишь. Мне хочется попеть, потанцевать, подурачиться. Рассказать кому-то из этих людей произошедшее со мной было бы самоубийством. Это было бы так же нелепо, как выйти в морозную ночь нагишом на прогулку. Стоит мне доверить кому-нибудь из них свою тайну по секрету, как не позже следующего дня меня подвергнут публичному порицанию на товарищеском суде или что-нибудь еще в этом роде. И тогда прощай спецбуфет, путевки в ведомственный пансионат и все остальное.

Но хранить в себе мою тайну нет

больше сил. Поэтому слушай. История моя такая. Недавно я вышла в обеденный перерыв в ателье, а на обратной дороге присела у фонтана и задумалась. Вдруг чувствую: кто-то солнечный зайчик мне в глаз пускает. Смотрю, какой-то парень напротив на скамейке сидит, зеркальце в руках держит и мне улыбается. Если бы ты знала, какая у него улыбка! Перед ним, я думаю, никто не может устоять! Его зовут Саша. Все было так естественно. Мы долго болтали с ним, сидя у фонтана. На нас смотрело пронзительно голубое небо. Стоявшие вокруг липы закрывали нас своей листвой от посторонних взглядов. Мы смеялись, шутили. Нам было очень весело. Странно, но на работе никто не заметил моего двухчасового отсутствия. Представляешь? Правда, странно? С тех пор мы видимся через день в обеденное время. Не могу пове-

рить, но, по-моему, он тоже в меня влюблен. Саша — начинающий художник. Он обещал показать мне свои картины.

Целую. Твоя Соня.

Август 1984

Здравствуй дорогая моя Ирочка!

Поздравляю тебя с рождением девочки! Очень за тебя рада.

Ты спрашиваешь, что было бы, если Коля увидел бы нас вместе с Сашей. Не знаю — сама мысль об этом вселяет в меня ужас. Я делаю все возможное, чтобы он ничего не заметил. Говорят, что люди все чувствуют. Но Коля, по-моему, такой толстокожий. Да, именно толстокожий. Я, признаться, всегда это за ним замечала. Поэтому ему и на работе легко. Он просто не чувствует биополя других людей. Я могу заболеть от дурного взгляда, от самой мысли, а ему

все нипочем. Поэтому он и моего к нему отношения не чувствует. Делаю я свое дело: стираю, глажу, готовлю — значит, все в порядке. Мне кажется, Коля стал для меня немного чужим. Не могу разобраться.

А с Сашей я могу часами болтать о всяких пустяках, дурачиться и, представляешь, нам не бывает скучно! Недавно он пригласил меня к себе показать свои картины. Ты бы видела их, они прекрасны! А потом, ты не поверишь, я позировала ему обнаженная. И что самое странное, мне совершенно не было стыдно! Я с ним вообще никогда не испытываю чувства стыда. С ним так все естественно, ты не представляешь. Мой Саша такой умный. Хотя мы с ним одного возраста, мне все время кажется, что он намного старше меня. Мы просто растворяемся друг в друге. Нам вместе так хорошо!

Хуже дело обстоит со свекровью. У меня такое чувство, что она что-то заподозрила. Ты спросишь: как. Не знаю. Но она меня страшно притесняет последнее время. Поедом ест. Вечером домой возвращаюсь как в преисподнюю. И некому меня защитить. Коля как будто ничего не замечает.

Что мне делать? Ты пишешь, мне следует развестись. И Саша так говорит. А на что мы будем с ним жить и где? В маленькой квартире с его родителями? На его копеечную заработную плату оформителя? Картины его ведь не особенно продаются. Оставлять такого мужа, как Коля, просто смешно. Он делает карьеру семимильными шагами. И вообще, скоро его посылают в долгосрочную командировку. Так хочется пожить за границей. Войти в эту привилегированную касту людей! А потом мы сможем наконец купить себе

свою квартиру. Понимаешь, свою! По-моему, ничего нет плохого в том, что я просто хочу жить нормальной жизнью. Как ты считаешь?

Пиши мне, моя сестреночка.

Целую,

твоя Соня

Январь 1985

Здравствуй, дорогая моя Ирочка!

Саша последнее время сам не свой. Даже вид моего обручального кольца приводит его в состояние полного иступления. Он требует, чтобы я немедленно развелась с Колей. Но разве это возможно? Я ему вру, конечно, что у нас с мужем никаких отношений уже два года как нет. Перед тем, как встретиться с ним, я всегда снимаю обручальное кольцо. Несколько раз даже наврала, что я переехала жить к маме.

Поначалу это его как-то успокаивало. А потом опять твердить свое начал: если любишь меня — разводишься, и все. А что, спрашивается, все? Он мне даже предложения не делает! Согласись, ведь это странно. А мне тогда опять в нашу семейную халупу в Кузьминки возвращаться? Даже упоминание о ней вызывает во мне тошноту. А Саша говорит, женимся потом, когда он заработает деньги. А если он их никогда не зарабатывает? А если он меня разлюбит, пока будет зарабатывать деньги? Я этого не перенесу. Понимаешь? Не перенесу. Остаться у разбитого корыта — нет, это не для меня.

А между тем Коля вчера объявил, что его командируют на три года в Непал. Если я подам на развод, то жутко его подведу. Ты же знаешь, как это все у нас бывает. Вызовут куда надо, спросят, где ваш моральный облик, товарищ? Что

там говорить! Ты же знаешь, разведенных за границу у нас не посылают. Нет, я не могу его так подвести. Столько лет мы стремились к этому. И лишь для того, чтобы разом все перечеркнуть?

Весь ужас в том, что и без Саши я, похоже, не могу. Он мне снится каждую ночь! Я боюсь во сне назвать его имя. А может быть, я уже проговорилась? Коля как-то странно на меня иногда смотрит. Признаться, я совсем к нему охладела. Коля мой всегда был грубоват. Не то что Саша. Мой Саша такой воспитанный. Такой нежный. Но ведь на это не проживешь.

Ах, я не знаю, что делать! Я буквально разрываюсь на части. Вчера был жуткий случай. Саша меня провожал в метро домой. Мы ехали обнявшись. Он то и дело целовал меня. И вдруг из окна вагона на перроне я увидела свекровь! У меня внутри все похолодело. Я стала

белая как полотно и чуть было не упала в обморок. Представляешь, что было бы, если бы она меня увидела. Слава богу, двери закрылись, и она не успела сесть в вагон. И меня она, похоже, не заметила.

Зато Саша заметил мое состояние. Еще бы! Он же не слепой. Потребовал объяснений. Вначале я отнекивалась. Но он настаивал. Когда я рассказала, в чем дело, он впал в такую ярость, что мне стало страшно. Он кричал: «Вот, значит, как ты меня любишь! Значит, ты мне все врала, что дома тебя ничто не держит! Значит, ты все мне врала про то, что у тебя с мужем никаких отношений нет! Ну и иди к своему мужу! Я здесь ни при чем!». Я никак не могла его успокоить. Никакие объяснения на него не действовали. В конце концов он оттолкнул меня и выбежал из поезда. Двери за ним захлопнулись, и я осталась одна. Когда я пришла домой,

то долго не могла найти себе место, а потом начала плакать. Плач мой постепенно перерос в истерику. Коля не знал, что делать. Вокруг меня все носились, а я просто рыдала и ничего не могла им объяснить. Разве объяснишь такое?

Не знаю, понимаешь ли ты меня. Но больше поделиться мне не с кем. Завтра нужно подавать документы на оформление виз в Непал. Отъезд запланирован через месяц. Саша не звонит, а когда звоню я, кидает трубку. Почему он так жесток? Наверное, это оттого, что ему очень больно. Но ведь я же много раз объясняла Саше, что я люблю только его, а с Колей меня связывают только дружеские отношения. Я не знаю, не знаю, как мне быть!!! Я не хочу его отпускать. Я удержу его во что бы то ни стало! Я дозвонюсь ему и все объясню.

Целую тебя. Твоя Соня.

Январь 1986

Дорогая моя Ирочка!

Вот уже год, как мы живем в Непале! Надвигается летняя жара. Днем температура достигает тридцати градусов. А что будет летом! Впрочем, кондиционер решает эти проблемы. Мы живем как у Христа за пазухой. У нас огромная квартира. У нас есть слуги! Представляешь? Так здесь полагается. Для них мы «белые» люди. У нас японский автомобиль! А на заработанные здесь чеки в московской «Березке» можно будет купить немислимое количество платьев, джинсов, модных туфель. Вот какой жизнью я теперь живу! Я думаю, ты должна быть за меня очень рада.

Недавно я была в Москве. И я выпендривалась перед компанией своих одноклассников: пришла к ним в кожаном пальто, джинсах и туфлях фирмы «Бали». Они такие же милые и ве-

селе. Мы подурачились, поохотали вдоволь. Но никто из них так ничего в жизни и не достиг. Я привезла каждому из них по маленькому подарочку. Знаешь, брелки и все такое. Мелочь, а людям приятно.

Скажу тебе по секрету: я забеременела! Врачи говорят, будет девочка. А я хочу больше мальчика.

Я дозвонилась до Саши. К моему удивлению, он не бросил трубку и сразу согласился встретиться. Но он очень переменился ко мне. Стал какой-то равнодушный, что ли. Такое впечатление, что это Кай, который проглотил кусочек льда. Он не говорит, но я думаю, у него появилась «снежная королева». Я уже ненавижу ее. Забрать у меня моего мальчика! Нет! Никогда! Когда мы говорим, у меня возникает чувство, будто между нами существует невидимая стеклянная стена. Мне все время

хочется его растормошить. Да что он о себе вообразил, в конце концов! Такая женщина падает к его ногам! А ему все равно! Что же это такое? От подарков моих, которые я с такой любовью везла из-за границы, он отказался. Не знаю, как дальше. Я ему говорю, что он мне снится каждую ночь, а он молчит, молчит. Картины его, по-моему, особенно не продаются. На что он живет, я не понимаю. Как вообще можно жить на эти нищенские зарплаты, которые платят в нашей стране?

Напиши мне, как у тебя дела. Как дети?

Целую, твоя Соня.

Май 1987

Дорогая моя Ирочка!

Скоро нашей красивой жизни наступает конец. У Коли заканчивается командировка. Ничего, зато я буду по-

ближе к Саше. Смогу его видеть, как раньше. Не хотела тебе писать, но в мое отсутствие он женился. И еще больше отдалился от меня. В мой последний приезд мы виделись всего один раз, и то мельком. Ему куда-то надо было срочно идти.

Моя девочка, моя ненаглядная, подрастает, будет такой же воздушной красавицей, как я. Скоро ей будет два года. Мы с Колей на нее не нарадуемся. Она такая способная!

Посольская жизнь мне очень надоела. Ходить надо строем. Все такие надутые. А я, ты же знаешь, в общем-то, человек не материальный. Мне бы попрыгать, порезвиться.

Целую тебя, твоя Соня.

Май 1989

Дорогая моя Ирочка!

Вот уже больше года, как мы живем

в Москве. Как здесь все переменялось! С товарами совсем стало плохо. В магазинах, что ни возьми, ничего нет. Заработанных за границей денег с трудом хватило на небольшую квартиру да на маленький подержанный автомобиль. Цены резко выросли. Представляешь! Работали люди, работали. Думали, что зарабатывают большие деньги. А кто-то наверху взял да какой-то рубильник переключил. И все изменилось. И деньги вроде как и не деньги уже, а так, не пойми что. Я когда это поняла, то долго плакала. Коля тоже не знает, что дальше делать. Раньше у него в планах стояла командировка в Лондон на три года, а теперь почему-то предлагают в Бишкек. Как так можно с людьми поступать! А все, наверное, потому, что отец его ушел на пенсию и теперь не при делах. Ну да ничего — Коля такой трудолюбивый. Он что-нибудь при-

думает. В министерстве, куда я опять вышла на работу и где все было так хорошо до нашей поездки за границу, теперь платят мало, привилегий практически не осталось. То есть, конечно же, существуют места с привилегиями, но туда меня не приглашают. Не знаю, как жить дальше.

И еще мне кажется, что мир разделился на людей старых и новых. Новые люди, их еще называют новые русские, имеют много денег. Они важные и холеные. Ездят с охраной. У нас есть такой один в подъезде. Старые же люди... Я даже не знаю, как это объяснить. Старые люди — это просто люди. У них почти нет денег. С ними плохо обращаются, и оттого им грустно. Ты знаешь, мне не нравятся эти новые люди. Я говорила об этом с Колей, а он мне сказал, что я тоже многим не нравилась, когда ездила за границу, получала продукты

из распределителей, когда другие жили впроголодь. Еще сказал, что зависть часто приводит к язве желудка. Он такой нечуткий, мой Коля.

Встречалась со своей школьной компанией. Какие-то они стали немного грустные и потертые. Знаешь, то, что в двадцать лет весело и здорово, в двадцать пять хорошо, то за тридцать кажется скучным.

Виделась несколько раз с Сашей. Он очень изменился. Подъехал на такой машине, ты бы видела! Лучше, чем та, на которой мы за границей ездили! Картины его начали пользоваться спросом, хотя мне они никогда особенно не нравились. Что мне действительно нравилось, так это позировать ему обнаженной. Но он почему-то мне этого больше не предлагает. А я так мечтаю об этих ушедших днях. Я ему говорю: «Как бы хорошо было провести не-

сколько дней вместе. И чтобы никого вокруг! Уехать на необитаемый остров. Только мы вдвоем». А он все молчит, молчит. Я ему говорю: «Давай, я уйду к тебе от Коли. Ведь сейчас нам ничто не мешает! У тебя теперь есть деньги». А он только улыбается и молчит. Неужели он меня разлюбил? Не могу в это поверить! Другие мужчины просто падают к моим ногам, а этот? Что же это такое, в самом деле? Я даже ему немного нагрубила.

Целую тебя, твоя Соня.

Март 1992

Дорогая моя Ирочка!

Жизнь очень изменилась, и, горько это говорить, но мы живем на грани нищеты. У Коли дела совсем неважно. То есть он, конечно, работает, иногда ездит

в командировки за границу, как и прежде, но это перестало приносить доход. А ему уже трудно перестроиться. Еще бы! Пытаться искать что-то новое, когда тебе за сорок и ты уже состоявшийся человек — очень сложно.

Я бросила свое министерство. Все равно никакого толку. Я работаю теперь на большой иностранной фирме. Платят копейки. Но я работаю. Вкалываю от рассвета до заката . У меня же ни профильного образования, ничего. Я даже английский с трудом понимаю.

Встречалась со своей школьной компанией. Посмеялись, похихикали. Но как-то грустно все. Наверное, мне было с ними весело, только когда у меня все было в порядке, либо я была просто моложе? Не знаю. В юности, наверное, всегда все в порядке? Как ты думаешь?

Ты не поверишь, но Саша мне снит-

ся до сих пор. Я очень редко его вижу. Раньше я его одолевала звонками, а он ссылался на свою занятость, а теперь я сама так занята, что не до встреч. Просто нет сил.

Когда я с ним виделась в последний раз, я ему сказала всю правду, что он снится мне каждую ночь и что я его безумно люблю. А он мне, представляешь, что ответил? Что это у меня психоз! Сама не знаю, может быть и так. Только я заплакала потом. Он меня успокаивал, но не очень-то усердно. Я ему наговорила очень много самых неприятных слов. А он только смотрел на меня и молчал. Он стал какой-то совсем безразличный. А может быть, его просто быт заел. Все-таки трое детей у них. С другой стороны, какой быт, когда он машину каждый год меняет. Одна другой лучше. Теперь на новом «Мерседесе» ездит.

Но я ему докажу, что мы тоже не лы-

ком шиты. Еще увидим, у кого лучше получится.

Целую тебя, твоя Соня.

Октябрь 1995

Дорогая моя Ирочка!

Ты не согласишься. Неделю назад я открыла свой магазин. Теперь я понимаю, к чему я всегда стремилась. Я думаю, это у меня в крови. Ведь наша бабушка в советское время была товароведом и проворовалась. Ее посадили за нетрудовые доходы. Ох, и процветала бы она сейчас! Магазин мой маленький: семьдесят квадратных метров. Двое сотрудников кроме меня. Но теперь я работаю на себя, а не на дядю. С деньгами по-прежнему туго. Я даже заняла несколько тысяч долларов у Саши. Он, похоже, денег особенно не считает, а мне надо же как-то раскручиваться. У Коли на работе все

по-прежнему, но он, как видно, не хочет что-либо менять или уже не может.

Настенька, моя отрада, хорошо учится. Напиши мне, как твои дети.

Все. Слипаются глаза от усталости.

Целую тебя, твоя Соня.

Январь 1998

Дорогая моя Ирочка!

Наконец-то я тебе пишу вновь. Ты не поверишь, но теперь у меня абсолютно ни на что нет времени. Я целыми днями работаю, а в остальное время просто сплю. У меня, по-моему, неплохо получается. В течение последних двух лет я открыла три новых магазина. Но какой ценой мне это дается, ты бы знала! Мне некогда сходить к косметичке! Я себя совсем запустила. Даже поправилась. Но некоторые говорят, что мне это идет.

Месяц назад случилось ужасное событие. Слава богу, у меня хватило мозгов поддерживать добрые отношения с нужными людьми в погонах. Все это, конечно, не бесплатно, но, как показала жизнь, дело того стоило. В общем, предупредили меня, хоть и за час всего, но предупредили. И я в чем была — на поезд, в Питер, и только меня и видели. А у меня во всех магазинах маски-шоу состоялись: выемка документов, всех моих ребят лицом на пол положили, допросы учинили. На меня хотели дело уголовное открыть, но свои люди помогли. Все замяли. Через месяц я опять в Москву вернулась и еще один магазин открыла. Вот так им всем!

Недавно я расплатилась со всеми своими долгами. Только Саше не хочу деньги отдавать, не хочу и все. Он мне никогда не звонит первый. Представляешь? Другие были бы счастливы, если

бы такая женщина им звонила, а ему все равно. Нет, я не могу в это поверить. А потом, наверное, я сама в этом виновата. Наверное, надо было тогда, когда он был в меня влюблен до безумия, устраивал мне сцены ревности, не мог переносить вида обручального кольца на моей руке, надо было тогда мне развестись.

Ты знаешь, я задавала ему этот вопрос. А он мне ответил, что каждый делает свой собственный выбор. Что, видимо, для меня в то время было важнее сохранить высокий социальный статус и поехать жить за границу.

Я ему сказала, что для меня это все ерунда. А он ответил, что задним умом все богаты. Что это мне сейчас так кажется, а тогда я думала совсем по-другому. И еще сказал, что если бы я развелась тогда с мужем, не поехала бы за границу, то потом бы жалела.

Потом он добавил, что каждый в конечном счете получает в жизни то, что хочет. И я здесь не исключение.

Но я ведь всегда хотела быть с ним вместе. Разве не так? И теперь хочу.

А он мне сказал, что, наверное, другое для меня все же было ценнее тогда.

Мне было очень обидно услышать, что для меня всякие шмотки, социальный статус, машина и квартира дороже нашей любви. В результате я опять наговорила ему много всего неприятного. Сказала, что это все из-за него так получилось. Из-за его нерешительности. Ведь он даже не предлагал мне выйти за него замуж! Если бы он был чуточку настойчивее, то мы давно были бы вместе.

А он мне отвечал, что я, безусловно, права. Действительно, в том, что касается двоих, виноваты всегда двое. Да и неизвестно, сколько лет мы бы прожили вместе. Может быть, не более года.

Говорил, что совместная жизнь и встречи — дело разное. А то я сама не знаю!

Напиши, что ты думаешь по этому поводу.

Целую тебя, твоя Соня.

Апрель 2000

Дорогая моя Ирочка!

Моя Настенька стала совсем взрослая. Через несколько лет я ей буду совсем не нужна. Уже сейчас от нее только и слышишь: «Я сама знаю, мама. Мама, не мешай!» Как это грустно.

Ты пишешь, как это должно быть ужасно — скрываться от правоохранительных органов. Во-первых, я не скрывалась вовсе, а всего-то уехала срочно из Москвы на несколько недель, во-вторых, это просто конкуренция. Да, бизнес в России сейчас такой. Ничего

тут не попишешь. А как по-другому? Но, по-моему, это лучше, чем на печи лежать да жаловаться на жизнь.

Я приобрела еще несколько магазинов. Теперь это называют торговой сетью. У сети есть название, которое часто можно услышать по телевизору. Когда я слышу рекламу своей сети магазинов, я даже не могу поверить, что все это принадлежит мне. Я по-прежнему очень много работаю. У меня несколько раз случались нервные срывы. Я рыдала как ненормальная. Иногда я думаю: зачем мне все это? Может быть, все бросить?

Я говорила с Сашей на эту тему. Он сказал, что если я собираюсь это все бросить, то мне прежде всего стоит подумать, что придет взамен. Чем я буду занимать себя?

Еще он мне говорил о том, что хорошо, когда занимаешься тем, что нравит-

ся. Глаза при этом у него были очень грустные. По-моему, Саше давно не нравится то, что он делает. Дела его, кстати, идут совсем неважно. Картины его никто больше не покупает. Деньги у него почти закончились. А работать по найму оформителем или еще кем он после такого взлета не желает. Он же видит себя не кем-нибудь, а мастером с большой буквы! Хочет и дальше писать картины, которые уже никому не интересны. А может быть,, он вообще уже ничего не хочет? Не знаю... По крайней мере, о своем творчестве он говорит без большого энтузиазма.

Я ему говорю, что я же смогла себя переломить. Помнит ли он, как каких-нибудь семь лет назад я очутилась на грани нищеты. Вынуждена была бросить свое старое занятие. Работала за копейки от рассвета до заката . И смогла, и добилась. Теперь у меня все есть.

А все потому, что у меня была цель и я к ней стремилась.

А он мне сказал, что это совсем не так. Что, не считая благоприятного стечения обстоятельств, все у меня получилось в первую очередь потому, что мне нравится то, чем я занимаюсь. И этому можно только позавидовать. Вспомнил какого-то Бернштейна, который якобы говорил, что конечная цель ничто, движение — все. Какая глупая фраза, не правда ли?

Целую тебя, твоя Соня

Октябрь 2002

Дорогая моя Ирочка!

Моя Настенька по-прежнему меня радует. Хорошо учится. В этом году заканчивает среднюю школу. Думаю послать ее учиться в Англию. Плохо только, что тогда мне будет совсем одиноко. Но я все для нее сделаю.

Последнее время мне совсем не с кем поговорить по душам. Раньше хотя бы была моя школьная компания, но недавно вышла такая неприятная история, даже не знаю, как тебе и рассказать. Если ты помнишь Настю, такая хохотушка была. Как мы с ней весело уроки прогуливали! Она, между прочим, теперь располнела, еле в двери проходит. Так вот. Ее муж недавно взял у меня денег в долг якобы на три месяца. Изрядную сумму. Небольшую квартиру купить можно. Раскрутить свой бизнес ему надо. Я все понимаю. Бизнес есть бизнес. Но проходит три месяца, полгода, а денег нет. Я звоню, спросить, как дела. А его жена, Настя, мне говорит, что его нет дома. На следующий день то же самое. А потом и она перестала на мои звонки отвечать.

Пришлось обратиться к адвокату. Слава богу, несмотря на свою при-

родную беспечность, я все же взяла с них расписку, в которой указала все основные условия. Срок, сумму и все, знаешь, такое. Сейчас идет судебная тяжба. Вскрылись чудовищные вещи. Оказалось, никакого бизнеса они и не думали начинать, а просто брали деньги в долг у знакомых и даже не думали их отдавать! Представляешь себе, какая мерзость! И вот так они жили уже многие годы. Я ведь ничего не знала. Сидели в одной компании, ели, пили. А кое-кто из нас других обворовывал. Но весь ужас в том, что вся моя компания заняла их сторону. Они мне звонили и говорили, как мне не стыдно подавать на друзей в суд. Говорили, что у меня и так много денег, а им трудно живется. Им кажется, что я деньги в банку закатываю и в саду прячу. А у меня, между прочим, все деньги в обороте. А знают они, сколько я работала

для этого? Как я вкалываю? Почему они сами не хотят пойти и поработать, как я? Вместо этого перед телевизором целыми днями сидят и пиво пьют. Из-за толстых животов своих ни в какую дверь пройти скоро не смогут. Кто-нибудь из них попросился ко мне на работу в магазин? А я бы, между прочим, устроила. Так нет. А все потому, что там вкалывать надо.

Я все рассказала Коле, искала у него поддержки. А он, представляешь, начал с того, что сказал, что я сама виновата.

— Чем? — спрашивала я. — Что дала в долг?

А он в ответ приплел какую-то глупую поговорку, что, мол, хочешь потерять друга и деньги, так дай их в долг другу. Затем говорил что-то нудное про то, что количество труда вовсе не обязательно соответствует уровню получаемого дохода. Зачем-то вспомнил шахте-

ров, которые работают много и трудно, однако не становятся такими богатыми, как я. При чем здесь, спрашивается, шахтеры? По-моему, он просто оправдывал безделье моих школьных друзей. А ведь у нас таких полстраны! И все ходят и жалуются, что нет денег.

Дальше Коля говорил про какое-то стечение обстоятельств, про востребованность или невостребованность качеств человека той эпохой, в которой он живет. В связи с этим он напомнил мне про мою бабушку-товароведа, которую в советское время за склонность к торговле определили в места не столь отдаленные. А я, унаследовавшая те же качества, якобы пришлась ко двору в нынешнее время. А другие — наоборот, говорил он, как, например, всякие там ученые. Могут работать до «позеленения», но материальной отдачи в наши дни не получают. А в предыдущую эпоху,

делая то же самое, они катались как сыр в масле.

Может быть, он и прав, Коля всегда был очень образованный. Но только кормлю семью теперь я, а не он, такой умный. Я ему так и сказала. Он же мне отвечал, что количество ума и денег напрямую не зависят друг от друга. Говорил, что у людей могут быть разные интересы в жизни и многие из них, хоть и требуют интеллектуального развития, к заработку денег отнюдь не ведут. Это он, наверное, о себе говорил. Или человеку может быть интересно работать у кульмана, и это ему действительно удастся. Но денег в настоящее время это не приносит. А займись он, как я, торговлей, у него ничего не выйдет. Пропадет хороший инженер, а коммерсанта все равно не получится. А некоторым, как я, например, интересно открывать магазины. И потому это у них прекрасно по-

лучается. «Открывать магазины» в его устах звучало как-то уничижительно.

Я к нему пришла, чтобы он меня успокоил, пожалел. А вышла чуть ли не ссора. Он всегда был черствый, мой Коля. Мы всегда были такие разные, я давно это поняла.

Я несколько раз звонила Саше. Мы так давно не встречались. То нет времени у него, то у меня. Но ведь раньше время почему-то всегда находилось?

Целую тебя, твоя Соня.

Январь 2004

Здравствуй дорогая моя Ирочка!

Я все-таки довела дело до конца. Выбила деньги из этих зарвавшихся жуликов. Цена тебе известна. Моей школьной компании для меня больше не существует. Жаль. Но, с другой стороны, последнее время мы совсем перестали

понимать друг друга. Знаешь, надоело пить водку с пивом на кухне в компании тунеядцев.

Я по-прежнему много работаю. Устаю. Ни на что больше нет времени. Но бизнес идет неплохо. У меня работают более пятисот человек. Ко мне обращаются международные инвестиционные фонды с предложением купить часть моего бизнеса и вывести мою компанию на биржу. Представляешь себе!

Моя Настя ненаглядная уехала учиться в Англию. Коля в свободное от работы время только и делает, что читает книги. Что, спрашивается, он находит там такого интересного?

А недавно мне опять приснился Саша, тот фонтан, где мы встретились в первый раз. Пронзительно голубое небо. Шелест листьев лип. И вот я уже вижу себя со стороны: молодую,

красивую, всю такую воздушную. Мы идем с Сашей, дурачимся, он без конца обнимает и целует меня. И я снова счастлива.

Целую тебя, твоя Соня.

Август 2005

Р. S. Это мое последнее письмо. Я наконец-то освоила компьютер и теперь буду посылать тебе электронную почту.

Июнь 2007

Урок английского

Было воскресное утро. Виктория Марковна, женщина средних лет, упругой походкой вышла из метро. Потом она остановилась, огляделась вокруг и достала из сумочки аккуратно сложенный лист бумаги. Внимательно ознакомившись с его содержанием, она деловито направилась вглубь микрорайона. Лист бумаги отражал адрес и детальную схему проезда до квартиры ее нового частного ученика.

Виктория Марковна была не замужем. Все, что она имела в жизни — должное образование старшекурсницы дочери, небольшую квартиру в собственности, находящуюся в отдаленном районе Москвы, и подтянутый внешний

вид — являлось результатом ее ежедневного напряженного труда и высокого уровня самодисциплины. Надо отдать должное Виктории Марковне — она, в отличие от большинства своих коллег, была преподавателем не только высокого полета, но и высоких принципов.

Ведь как часто бывает? Захочет заботливый родитель, скажем, улучшить познания своего чада в иностранном языке или в любой другой науке. Тут же находятся частные преподаватели. Договорились о цене. И, глядишь, занимается уже ребенок. Но вот незадача, проходит год-другой, и тут любящий родитель неожиданно для себя выясняет, что чадо его ненаглядное нисколько не продвинулось в изучении данного предмета. Он, естественно предположить, обращается к преподавателю с вопросом.

А тот ему и отвечает, притворно разводя руками, что так, мол, и так, сами

разве не знаете, что отпрыск ваш разгильдяй никудышный. И скажите еще спасибо, что терплю его до сих пор. А то, что до этого преподаватель не удосужился с родителем ни разу поговорить, но деньги его брал исправно, о том, естественно, речи нет.

А бывают случаи и еще похуже. Определят родители ребенка в школу с высокими требованиями, деньги соответствующие «кому надо» заплатят. А в школе той методика обучения к следующему сводится. На уроках преподаватели не утруждают себя излишним рвением, чтобы донести до школьников новый материал. Потом немедленно самостоятельную работу на новую тему предлагают детям написать, чтобы оценить их успеваемость. Видя же печальные результаты такого обучения, созывают родительские собрания или же в индивидуальных беседах с родителями озвучивают всю

меру необходимости индивидуальных занятий за дополнительную плату. Понятное дело, что занятия эти проводятся теми же преподавателями, разве что индивидуальными их трудноато назвать будет, потому как присутствуют на них по пять учеников, а то и больше. Родители каждого ребенка при этом платят, как если бы тот занимался один на один. Результаты такого обучения, понятное дело, печальны. Успеваемость ниже среднего, что позволяет иным преподавателям настаивать на еще более частых дополнительных занятиях.

Конечно, если на этот вопрос с другой стороны посмотреть, с обще-, так сказать, человеческой, то можно понять этих преподавателей. Ведь каждому человеку нужно пропитание, крыша над головой, путешествия по белу свету там всякие, да и много разной прочей чепухи. А преподаватели, как известно, тоже люди. Вот

они и стараются. Нам, однако же, пора вернуться к Виктории Марковне.

А Виктория Марковна, как уже отмечалось выше, была преподавателем другого рода. Прежде всего, не в пример прочим, она хорошо знала свой предмет. Кроме того, отличалась высокой требовательностью. Если ученик дома не готовится или — что еще хуже — занятие пропустит, она сразу к родителям.

«Не буду с таким заниматься, и точка», — говорит. И никакие деньги ее удержать не могут, если видит она, что результата достигнуть невозможно. Болела за свое дело Виктория Марковна. Настолько все близко к сердцу принимала, что в последние годы давление у нее пошаливать начало. А ведь не старая еще женщина! Одета всегда модно. А стрижка какая!

Кроме всего прочего, Виктория Марковна любила чистоту и порядок во всем.

Порядок на письменном столе, на кухне и, конечно же, порядок в голове. Того же ожидала она от своих учеников и их родителей. Семьи, в которых воспитывались ее ученики, были как на подбор респектабельными. Дома у них царили спокойствие и порядок. А как же иначе? Ведь если ребенок не пойми откуда взялся, так он и на занятиях выделять не пойми что начнет. Сама она отдавала всю душу и все свое свободное время воспитанию дочери. А шутка ли воспитывать дочь одной?

Деньги брала за уроки немалые, но ведь и было за что!

Благодаря ее требовательности отбоя от желающих заниматься с ней не было. Принимала же новых учеников она только по рекомендации.

— Почему только по рекомендации? — спросите вы.

— Да потому, — ответила бы Виктория Марковна, — что без этого в такую

историю можно попасть, что сложно даже представить. Или родители невменяемые окажутся, или сам ребенок не совсем в себе. Да что говорить! Потом отказываться от занятий придется. — Не любила Виктория Марковна неожиданностей. А еще больше не любила она напрасно потраченного времени.

В то воскресное утро Виктория Марковна как раз направлялась к новому ученику. Мамаша нового ученика была сослуживицей мамыши ее старого ученика. Обе они являлись преподавателями Московского университета, кандидатами экономических наук.

Викторию Марковну ожидала вполне предсказуемая, интеллигентная, так сказать, атмосфера. И вот уже подходит она к обозначенному на плане дому сталинской постройки.

«Что ни говори, а есть в этих сталинских домах какая-то обстоятельность, незыблемость, приверженность устоям советской интеллигенции», — думала Виктория Марковна, поднимаясь по лестнице.

Она позвонила в дверь. Однако ей никто не открыл. Она позвонила еще раз и еще. Наконец, с третьего звонка, дверь отворилась, и на пороге появился низкорослый мальчик, на вид лет двенадцати.

— Наверное, его брат, — подумала Виктория Марковна; ей говорили, что ее ученику скоро должно быть шестнадцать. Звали его Костя.

— А где твои родители? — спросила Виктория Марковна.

— Их нет дома, — отвечал маленький мальчик.

— Странно, я договаривалась на двенадцать часов. Я преподаватель английского твоего брата.

— У меня нет бата, — ответил мальчик. Очевидно, он не выговаривал букву «Р».

Тут в голову Виктории Марковне пришла догадка.

— А как тебя зовут? — спросила она.

— Костя, — ответил мальчик.

— Значит, я с тобой буду заниматься? — предположила преподавательница английского.

— Навеное, — неуверенно отвечал мальчик и добавил: — Походите, пожалуйста.

«Чертовщина какая-то, — раздраженно думала Виктория Марковна, — недоедает, похоже, ребенок? Почему же еще он такой маленький, спрашивается? И забитый какой-то. А букву «Р» почему не выговаривает? Не занимались с тобой, видно, бедолага, должным образом в детстве». Виктория Марковна вспомнила свою дочь, которая не выговаривала целых три буквы, вспомнила она и те

усилия, которые она предприняла, водя своего ребенка к логопеду. Зато теперь все было в порядке.

— Мы же договаривались с твоей мамой на двенадцать часов, в воскресенье! Елена Николаевна ее зовут? — произнесла она вслух.

— Да, паавильно, Елена Николаевна. Но ее сейчас нет дома.

— А когда же она придет?

— Не знаю, она еще вчеаа куда-то ушла.

— Так ты совсем один?

— Папа должен пиидти.

— Когда?

— Не знаю точно, но вечеом они вме-
сте в гости собиались.

Виктория Марковна осмотрелась по сторонам. Вокруг нее царило страшное запустение. Коридор тускло освещался единственной лампочкой без абажура. Остатки обоев хранили на себе помет-

ки, сделанные ручкой или фломастером. Плинтуса отсутствовали вовсе. На грязном полу с трудом угадывалось подобие паркета. Виктория Марковна хотела снять пальто, но не обнаружила вешалки. Вернее сказать, вешалка присутствовала, но назначение ее не было понятно, так как болталась она на одном гвозде, могла рухнуть в любой момент и никак не могла быть использована по назначению. Однако же рядом с ней в стену были вбиты три больших гвоздя, носивших следы ржавчины, куда и предстояло Виктории Марковне повесить свое модное манто. В квартире угадывался стойкий запах сигаретного дыма, какой бывает, когда в помещении часто курят долгие годы. Виктория Марковна сама не курила и с трудом переносила запах табачного дыма.

«Ну и местечко...», подумала она.

— Пооходите, пожалуйста, — сказал мальчик.

Виктория Марковна застыла в нерешительности. Обычно в домах своих учеников она снимала обувь, особенно если дело было зимой, и ей предлагали тапочки. Сейчас она смотрела на пол, покрытый песком и еще какой-то грязью, и не знала, что делать. Ее блестящие, черной кожи сапоги выглядели определенно чище пола этой квартиры.

— Пожалуйста, не снимайте обувь, — вежливо сказал мальчик и добавил: — Хотите чаю?

Виктория Марковна, находясь в замешательстве, молча кивнула головой. Они прошли на кухню, где царило такое же запустение, как и в коридоре. В маленькой старой раковине находились груды немытой посуды, откуда мальчик достал грязную треснувшую чашку, слегка ополоснул ее под струей холодной воды и

поставил перед Викторией Марковной. Потом он поджег газ под чайником времен первой русской революции и сел ждать, когда вскипит вода. Когда вода вскипела, он неторопливо извлек из покосившегося от времени шкафа грязный чайничек с отбитым носиком и ручкой, налил туда кипятка и насыпал подозрительное вещество, по всей видимости, представлявшее собой чай.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал мальчик, указывая на одну из полуразвалившихся от времени грязных табуреток.

Несмотря на мучившую ее жажду, Виктория Марковна не смогла заставить себя воспользоваться предложенной ей чашкой и предложила перейти сразу к занятиям.

— Хорошо, пороходите, пожалуйста, в мою комнату, — так же монотонно сказал мальчик.

«Он ведь и на английском картавить будет! Похоже, здесь запущена не только квартира, но и ребенок», строго оценивала ситуацию Виктория Марковна.

Они проследовали в комнату Кости. За исключением кухни, двери как таковые в остальные две комнаты отсутствовали. Кое-где заметны были лишь остатки наличников, к которым эти двери, должно быть, в далеком прошлом прикреплялись. Сейчас же комнаты от коридора отделяли проемы в стенах.

Комната мальчика Кости соответствовала суровому стилю остальных помещений. В ней присутствовало всего лишь несколько предметов мебели: старый диван, видимо служивший ребенку кроватью; стол и стул, об каждый из которых легко было занозить руку; подобие платяного шкафа без дверей и книжные полки, заваленные множеством разных книг. Книги были на разных языках

и, по-видимому, представляли собой довольно интересную библиотеку. На корочках мелькали слова: Хайдеггер, Цветаева, Довлатов, Steinback, Dahl, Camus.

«Вот, вот оно! — В голову Виктории Марковны пришла характерная мысль русского интеллигента, традиционно противопоставляющего духовное материальному. — Воистину, здесь живут служители духа, а не жалкие слуги мамоны».

Они начали занятия. Выяснилось, что знания Кости соответствовали уровню второго класса простой школы. Виктория Марковна впала в состояние замешательства. По телефону ей было сказано, что знания ребенка соответствуют «среднему» уровню и было оговорено, что она выведет его на «продвинутый уровень» за полтора года. Но сейчас об этом и речи не могло идти.

«Но как же такое возможно? Чтобы в девятом классе знать, как во втором?

Как нужно запустить ребенка!» мысленно неистововала преподавательница. «К тому же он картавит. Вот, видно, до чего доводит нужда интеллигентных людей в наше тяжелое время», — мысленно смягчилась Виктория Марковна: «Должно быть, родителям просто не хватает времени заработать на еду. До ребенка ли тут! Видно, поэтому и мальчик такой робкий, такой забитый».

Тут Виктории Марковне представилась картина, как родители Кости отдают все свои силы служению чему-то высокому, благородному — скорее всего, конечно же, науке — забывая при этом о себе и обо всем самом необходимом, первостепенном, как-то: быт и даже собственные дети. Пусть, пусть они сторблены под тяжестью своего горького жребия, но они несут его не ропща!

Ее размышления были прерваны тихим звуком открывающейся входной

двери, будто бы входящий не хотел, чтобы его слышали. Ввиду того, что, как уже было отмечено выше, в комнатах отсутствовали двери, Виктории Марковне не составило труда его заметить. Это был мужчина средних лет, без изысков, но по моде одетый, с хитроватым выражением лица. У него были голубые глаза, которые, казалось, светились искренностью. По неуловимым признакам у Виктории Марковны сложилось впечатление, что он не собирался с ней общаться и был немного раздосадован тем, что теперь от этого он никак не мог отвертеться.

— А вот и папа, — несколько отстраненно сказал мальчик.

— Здорово, Костя, — обратился папа к мальчику. — Здравствуйте, — повернулся он к Виктории Марковне. — Меня зовут Сева.

— Виктория Марковна, — представилась учительница по имени отчеству,

хотя она была всего лишь лет на пять старше Севы.

Сева улыбался и, недоумевая, смотрел на Викторию Марковну. Было похоже, что он не был в курсе дела, кто она такая и зачем пришла. Не отличавшийся разговорчивостью мальчик Костя тоже по своему обыкновению молчал.

«Какая нелепица!» — подумала Виктория Марковна и сказала:

— Я разговаривала с Еленой — это, как я понимаю, ваша жена — я преподаватель английского...

— А-а-а, — добродушно протянул Сева, — как же, как же, милости просим, очень рад, очень. Ну, занимайтесь, занимайтесь, не буду вам мешать. Кстати, Костя, что у нас есть на обед?

— Не знаю, по-моему, как обычно... — отвечал мальчик.

— А мама ничего не готовила? — продолжал разговор Сева уже из кухни.

— Как обычно...

— А-а-а, — протянул Сева, чиркнул спичкой и так смачно затянулся сигаретой, что было слышно в другой комнате.

— А когда мама ушла?

— Вчера вечером.

— А-а-а, ну и ладно, и ладно. Ладно, Костя, я, пожалуй, к соседу Федору зайду, у него и поем, — весело сказал Сева. — Скоро буду. До свидания, Виктория Марковна. — С этими словами он хлопнул входной дверью и был таков.

Виктория Марковна в замешательстве продолжила занятия. Но не прошло и получаса, как входная дверь снова потихоньку отворилась и на пороге появилась женщина средних лет. Она была высокого роста, стройная и одета по последней моде. Хотя на дворе была зима, ее отличал ровный загар, характерный для посетителей салонов красоты. Сумочка ее была под цвет сапожкам

и берет. Руки отличал безупречный маникюр. На ней была длинная расстегнутая шуба, обтягивающие брюки и блузка с глубоким вырезом.

Увидев Викторину Марковну, она, не обращая внимания на Костю, улыбнулась улыбкой кинозвезды и уверенно шагнула из коридора в комнату.

— А-а-а, вы, должно быть, Виктория Марковна, как я рада, как я рада с вами познакомиться. Я о вас наслышана. И все только хорошее, только хорошее! И вот, наконец-то! — щебетала Елена, протягивая вперед обе руки.

«Да тут цирк шапито какой—то!» — думала Виктория Марковна, ошалело протягивая руку.

— Давайте же пить чай! Я сейчас...- И Елена уже неслась на кухню. — Что? У нас нет чая? А кофе? — разговаривала она сама с собой. — И кофе нет. Что же ты, Костя, не купил ничего?

— Мама, но у меня же нет денег, — отвечал Костя.

— А-а-а, я забыла, забыла оставить тебе деньги! Ах, я никудышная! А папа? Что папа говорит? Папа о нас тоже не позаботился?

— Как обычно.

— Что это, как обычно?

— Он сказал, что раз еды нет, то он пошел к Федору.

— Вот какой у нас папа! Вот так папа! Папа хоть куда! — Перемещаясь по квартире, Елена разговаривала с сыном и сама с собой. При этом речь ее была совершенно лишена какой-бы то ни было негативной окраски. Было очевидно, что это просто устоявшийся порядок вещей этого дома. И он не представляется его обитателям ни плохим, ни хорошим. Просто он есть, и все.

Тут зазвонил телефон.

— Мишенька, привет, привет, мой

голубчик, — приглушенно защебетала Елена в трубку. — Представляешь, прихожу домой, голодная, холодная, а в холодильнике шаром покати!

....

— Да, вот такой мой Сева, ты его ведь хорошо знаешь.

...

— Да. Он очень эгоистичен. Ушел к Федору, а то я не знаю, что это за Федор!

...

— Вчера ты звонил? Вчера я была на концерте Вагнера, представляешь, дирижировал сам Башмет! Потом засиделась в гостях, домой уже поздно было ехать.

...

— Ну что ты! Ничего такого! Лучше приходи, приходи, мой дорогой, скорее. Или нет, знаешь, я лучше сама к тебе приеду! Мы неделю назад купили новенькую машинку. Красненькую. Взяли

кредит и купили. Я тебя на ней покатаю сегодня! Ну, целую. Лечу.

Потом она добавила громко:

— Костенька, иди сюда на минуточку, мой дорогой.

Когда мальчик вышел в соседнюю комнату, раздался громкий шепот его мамы:

— На вот, деньги за два часа, не забудь отдать, а я побежала! Целую тебя, моя любовь. Потом раздалось чмоканье. Мальчик вошел в комнату, а его мама стремительно открыла входную дверь и, пропев на прощание: «До свидания, Виктория Марковна! Была счастлива с вами познакомиться!», исчезла.

Надо признать, что Виктория Марковна, человек твердых жизненных принципов, была изрядно шокирована происходящим, и ей стоило большого труда взять себя в руки и продолжить занятие, которое, однако, было вскоре вновь прервано.

Не прошло и получаса после ухода Елены, как входная дверь снова тихо отворилась и на кухню молча проследовали две молодые женщины и Сева, у которого карман оттопыривался под тяжестью какого-то стеклянного предмета, заполненного жидкостью. При этом Сева широко улыбнулся своей доброй улыбкой Виктории Марковне.

Через минуту из кухни раздались звуки музыки, и сильно потянуло табачным дымом. Это было последней каплей переполнившей чашу терпения глубоко уважающей себя Виктории Марковны. Она могла стерпеть многое, но запах табачного дыма, да еще в таком количестве — никогда.

Виктория Марковна вежливо простилась с Костей и, не мешкая более, вышла на свежий воздух.

Январь 2008

Содержание

Две тысячи долларов	3
Александр Воронцов.....	17
Целеустремленность.....	29
Хорошие знакомые	51
Карма.....	78
Их проблемы.....	186
Сборы	204
Старые письма	229
Урок английского	279

Литературно-художественное издание

А. Мефодиев
Карма

Компьютерная верстка Ю.В. Балабанов
Художник П.П. Ефремов

Подписано в печать 7.10.2008. Печ. л. 9,5.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Petersburg. формат 60х90/32.
Тираж 500 экз. Заказ №

ЗАО ИТД Летний сад, Москва,
121069, ул. Б. Никитская, 46.